
Перевела с английского Н. Трауберг.

"Наука и жизнь" 1980 No 1, 2, 3 "ДАЙТЕ ПРОЧИТАТЬ РЕБЯТАМ"

OCR: Сергей Васильченко

Глава 1. КАК ЭТО ВСЕ НАЧАЛОСЬ

Питер подумал, что его сшибла машина, хотя помнил только, как он вырвался от няни и побежал через дорогу к скверику, где полосатая уличная кошка грелась и умывалась на весеннем солнышке.

Няня закричала, что-то стукнуло, и сразу стало темно. А сейчас Питеру было больно, как тогда, когда он бежал за мячом, упал и ободрал ногу.

По-видимому, он лежал в постели, в няня как-то странно глядела на него. Мамы не было, но Питер не удивился: мама вечно куда-то спешила, наряжалась и уходила, оставляя его с няней. Конечно, в восемь лет няню иметь поздновато, но у мамы не хватало времени ни погулять с ним, ни посидеть перед сном.

Если Питер лежал в постели, значит, он был болен, а если ты болен, может случиться, что мама с тобой посидит, когда вернется, и даже разрешит завести котенка.

Котенка он хотел, сколько себя помнил, лет с четырех, когда летом на ферме увидел целую корзину белых и рыжих меховых клубочков и белорыжую кошку, которая гордо и нежно облизывала их одного за другим. Она была теплая, мягкая, и внутри у нее что-то урчало и подрагивало. Потом он узнал, что это бывает, когда кошке очень хорошо.

С тех пор он и хотел завести котенка, но ему не разрешали. Жили они в небольшой квартире на Кэвендиш-сквер. Папа, полковник Браун, в городе бывал редко и против котенка не возражал, но мама говорила, что и так у них повернуться негде. Но главное -- кошек боялась няня, а мама боялась, как бы няня не ушла.

Питер ко всему этому привык и знал, что такова жизнь, но тосковал он сильно и дружил со всеми местными кошками, а кошек бездомных он таскал домой, и как-то ему удалось тайком от няни продержать одну из них в комодке целых два дня. Вообще же няня гнала их шваброй, а если кошка забивалась в угол, хватала ее за шкурку и выбрасывала за дверь. Питер уже и плакать перестал, то есть плакать он плакал, но тихо и даже без слез.

А сейчас, лежа в постели, он решил поплакать громко, но почему-то не смог. Да и все было как-то непонятно: кровать качало, она куда-то плыла, нянино лицо становилось все меньше, и ему казалось даже, что это не няня, а кошка, к которой он бежал через дорогу, когда его сшиб грузовик.

Собственно, это кошка и была, она сидела перед ним, улыбалась и ласково смотрела на него большими глазами, круглыми, как нянины очки. Он заглянул в них, и ему стало легче, словно он окунулся в прохладное изумрудное озеро. От кошачьей улыбки, наоборот, становилось уютно и тепло. Одно удивило его: в глазах, как и в очках, он отражался, но не мог узнать своего отражения. Голова была круглая, как будто кошачья. Он посмотрел на свои руки и увидел белые кошачьи лапы. И тогда он понял, что, собственно, лежит не в постели, а на постели. Одеяла на нем нет, а сам он покрыт белым шелковистым мехом.

Полосатая кошка куда-то исчезла, и вместо нее у кровати появилась огромная няня.

-- Брысь! -- заорала она.-- Ах ты, опять кота приташил!

-- Няня! -- закричал Питер.-- Это я! Я не кот!

-- Я тебе помяукаю! -- возопила няня и замахнулась на него шваброй. Он забился в угол. Она схватила его за шкурку и понесла к дверям на вытянутой руке, хотя он беспомощно болтался и жалобно кричал.

Причитая и бранясь, она пробежала вниз по лестнице, вышвырнула его на улицу и с силой захлопнула дверь.

Глава 2. КАК ПИТЕР БЕЖАЛ С КЭВЕНДИШ-СКВЕР

На улице было холодно и сыро, солнце скрылось, небо обложило тучами, и начался дождь.

От страха и тоски Питер взмякнул так жалобно, что женщина из дома напротив сказала мужу:

-- Господи! Прямо как ребенок.

Она отодвинула занавеску, и Питер закричал ей:

-- Пустите меня! Пожалуйста! Меня выбросили из дому...

Но соседний муж ничего не понял и сказал так:

-- И откуда они берутся? А ну брысь!

Тут к дому подъехал газетчик на велосипеде и в надежде на чаевые поддержал клиента, стукнув Питера по спине туго свернутой газетой. Питер кинулся прочь, сам не зная куда, чудом увернулся от огромной машины, но его окатило грязной водой.

Мокрый насквозь, он в первый раз огляделся и увидел очень странный мир, состоявший главным образом из тяжелых ботинок и туфель на высоких каблуках. Кто-то сразу наступил ему на хвост. Питер заорал, и сверху раздался злой голос:

-- Так и шею ломаешь! А ну брысь!

После этого вторая нога ловко ударила Питера прямо в бок, и несчастный, себя не помня от страха, кинулся неведомо куда.

Лондон стал совсем другим, и все, что прежде так привлекало и радовало -- звуки, запахи, светлые витрины, голоса, шум и шорох колес, -- теперь пугало его больше и больше. Прижав уши и вытянув палкой хвост, Питер бежал по дождливому городу, то выскакивая на ярко освещенные улицы, то ныряя в черные аллеи и кривые переулки. И на свету и в темноте было одинаково страшно, а хуже всего был дождь.

Когда Питер был еще мальчиком, он дождь любил, но коту очень трудно под дождем. мех у него слипся клочьями и больше не грел, холодный ветер хлестал прямо по обнажившимся полоскам кожи (а у котов кожа тонкая), и, как быстро Питер ни бежал, согреться он не мог. Холодно было и подушечкам на лапах, прикасавшимся к мокрым плитам. Но хуже всего было не это: весь город, совершенно весь, стал ему врагом.

Питер бежал, останавливался, опять бежал, опять стоял, думая, что больше бежать не в силах, но хлопала дверь или вывеска, разбивалась бутылка, и мальчик, обратившийся в котенка, кидался прочь.

Улицы снова изменились, и он все медленней бежал мимо огромных зданий и железных ворот, пересекая иногда узкие рельсы. Видел он и склады в слабом свете фонарей, а потом и доки, потому что дикое его бегство вело его вниз по Темзе.

Когда бежать он больше не мог, он заметил открытую дверь, из-за которой приятно пахло. За ней оказались мешки с зерном, а на полу была солома. Цепляясь за мешки когтями, Питер взобрался наверх, примостился поудобней и услышал:

-- А ну брысь! Пошел, пошел...

Голос был нечеловеческий, но Питер все прекрасно понял, открыл глаза -- и, хотя на складе света не было, ясно увидел большого бурого кота с квадратной головой и уродливым шрамом на носу.

-- Простите, -- сказал Питер, -- я не могу уйти, я устал.

-- Вот что, сынок, -- сказал бурый кот. -- Это место мое, понятно? Давай уматывай!..

-- Никуда я не пойду, -- с неожиданным упрямством сказал Питер.

-- Ах, не пойдешь? -- ласково сказал кот, хрипло заурчал и стал расти на глазах, словно его надували насосом. Питер успел пробормотать: "Да вы что, да тут места хватит..." но кот прыгнул прямо на него и первым ударом сшиб с мешков, вторым -- покатило по полу. Они единым клубком докатились до дверей, и, вылетая на улицу, Питер еще слышал последние угрозы.

Глава 3. ИМПЕРАТОРСКОЕ ЛОЖЕ

Когда Питер открыл глаза, он лежал на кровати, застеленной пунцовым шелком, а на желтом шелковом пологe красовалась большая буква "N" и над ней -- корона. Здесь было мягко, сухо, тепло и даже хорошо, хотя все его кошачье тельце ужасно болело.

Потолок в комнате был высокий, и почти до самого потолка громоздились какие-то странные старинные вещи, покрытые слоем пыли, из-под которого поблескивала парчовая обивка или золоченые украшения. Между кипами мебели тянулась паутина, и пахло здесь чем-то затхлым.

Вчерашний страх накатил на Питера, и он стал было думать о том, что никогда не увидит ни маму, ни папу, ни няню, как вдруг нежный голос проговорил совсем рядом:

-- Слава богу, ожил!.. Я уж и не надеялась. Да, повозилась я с тобой...

Прямо над ним, обернув хвост вокруг передних лапок, сидела пестренькая кошка с белой грудкой, белым пятнышком на мордочке и серо-зелеными глазами в золотой оправе. Она была совсем тощая, мех да кости, но очень чистая: белая манишка сверкала, как горностаи, и Питеру стало за себя стыдно. У него самого мех свалился, даже виден не был из-под угольной пыли и запекшейся крови, и никто не поверил бы, что еще недавно он был снежнобелым котенком, тем более -- чистеньким мальчиком.

-- Простите,-- сказал он.-- Я уйду, как только смогу. Сам не знаю, почему я здесь. Я вроде бы умирал на улице.

-- И умер бы,-- сказала кошка,-- если б я тебя не перетащила. Полежи-ка тихо, я тебя вылижу.

Собственно, ему хотелось вытянуться как следует на шелку и заснуть, но он вспомнил правила вежливости и ответил:

-- Ну зачем вам беспокоиться...

Однако она мягко прервала его и, придерживая лапой, тщательно вылизала ему нос, потом между ушами, затылок, спинку, бока и, наконец, щеки. И ему вдруг припомнилось, как очень давно, в самом начале, мама держала его на руках. Он только учился ходить, и упал, и ушибся, а мама подхватила его, и он уткнулся лицом ей в шею. Она его гладила, приговаривала: "Сейчас пройдет... вот и все..." -- и на самом деле боль ушла, сменившись покоем, уютом и радостью.

Так было и теперь, когда шершавый язык лизал его, снимая боль, как резинка стирает карандаш. Что-то заурчало и задрожало у него внутри, словно маленький мотор, и он заснул.

Оглядел он себя лишь тогда, когда проснулся. Мех был опять белый, пушистый, и воздух уже не касался царапин и ран. Кошка куда-то делась. Питер попытался встать, но не смог, лапки у него расползлись. Когда же он ел последний раз? Вчера (или позавчера?) няня дала ему завтрак. Он просто вспомнить об этом не смел, так он проголодался.

И тут он услышал тихий, нежный, мелодичный звук -- что-то вроде "урру...". Он обернулся и увидел кошку. Вспрыгнув на кровать, она положила к его лапам большую мышь и произнесла:

-- Она хорошая, свежая. Сейчас поймала.

-- Спасибо...-- забормотал Питер.-- Простите, я мышей не ем...-- Питеру очень, очень не хотелось ее обижать.

-- То есть я их никогда не ел...-- поправился он.

-- Мышей не ел?! -- воскликнула кошка.-- Уж эти мне домашние кошечки!.. Да что там, сама такой была... Ничего, придется встать на собственные лапы, и без сливок перебьешься... Ладно, ешь.

Питер закрыл глаза и откусил кусочек. К великому его удивлению, мышь оказалась такой вкусной, что он и не заметил, как съел ее целиком, и только тогда взглянул в раскаянии на торчащие сквозь мех ребра новой знакомой.

Но кошка не обиделась, хотя что-то ее тревожило. Она даже рот приоткрыла, но ничего не сказала, отвернулась и лизнула себе бок.

Чтобы замаять неизвестный ему промах, Питер спросил:

-- А где это я? То есть где мы?

-- Да у меня,-- ответила кошка.-- Я не всегда тут живу, сам знаешь, какая наша жизнь... А не знаешь -- узнаешь. Это мебельный склад. Кровать уж очень хорошая...

Питер вспомнил, как в школе они учили, что означают "корона" и буква "N", и не смог удержаться.

-- На этой кровати спал Наполеон,-- сказал он.-- Великий французский император.

-- Да?..-- равнодушно откликнулась кошка.-- Именно что великий, сколько места занимал. Сейчас он на ней не спит, за все три месяца ни разу не был. Так что живи, сколько хочешь. Тебя, наверное, выгнали. А кто тебя вчера отделал?

Питер поведал ей о встрече с бурым котом, и она сильно огорчилась:

-- Да это сам Демпси! Кто же с ним спорит? Его во всех доках знают, он самый сильный кот.

Питер решил немного покрасоваться.

-- Чего там, я просто устал, много бегать пришлось, а то я б ему...

Но кошка печально улыбнулась.

-- От кого же ты бегал? -- спросила она и прибавила, не дожидаясь ответа: -- Ладно, сама знаю, по первому разу всего боишься. Кстати, как тебя зовут? Питер? А я -- Дженни. Расскажи-ка мне о себе.

Глава 4. ПИТЕР РАССКАЗЫВАЕТ О СЕБЕ

Хуже, чем он начал, Питер начать не мог. Он сказал:

-- Я не кот, я мальчик.

Дженни странно заворчала, и хвост ее увеличился вдвое.

-- Кто? -- переспросила она.

-- Ну, мальчик... человек...-- робко объяснил Питер.

-- Ненавижу людей! -- воскликнула Дженни.

-- А я кошек люблю,-- сказал Питер, и так ласково, что хвост у нее стал уменьшаться.-- Наверное, люди тебя обидели... Ты уж прости, я человек. Меня зовут Питер Браун, мы живем на Кэвендиш-сквер, дом 1... То есть я там больше не живу...

-- Да брось ты выдумывать! -- фыркнула Дженни.-- Ты самый что ни на есть кот: и с виду, и по запаху, и... М-да, ведешь ты себя не по-кошачьи... Постой, постой... Значит, так: ты спорил с Демпси, да еще и у него на работе...-- Дженни явно подсчитывала примеры, и даже казалось, что она загибает коготки.-- Мышь не хотел есть... а потом съел всю, не подумал обо мне... Нет, нет, я не сержусь, но кошки так не делают. Да, главное забыла! Ты ел прямо здесь, где спишь, а когда поел, не умылся.

-- Мы моем руки перед едой,-- сказал Питер.

-- А мы моемся после! -- твердо сказала Дженни.-- Это гораздо умней. Пока ешь, перепачкаешься. Да, ты не кот... В жизни такого не слышала!..

-- Хочешь, я тебе расскажу, как это все случилось? -- спросил Питер.

-- Расскажи, пожалуйста,-- сказала кошка и пристроилась поудобнее.

Теперь он начал с самого начала, описал ей и свою квартиру и скверик, похвастался, что папа служит в армии и дома почти не бывает, пожаловался, что мама тоже почти не бывает дома, и днем это еще ничего, а когда ляжешь -- грустно, и, наконец, поведал о том, как хотелось ему завести кошку.

Про маму он рассказал еще, как хорошо от нее пахнет, что она очень скучает без папы, и ей надо ездить по гостям.

Дженни призналась, что и сама любит хорошие запахи, но очень рассердилась, что Питеру не разрешали взять котенка. "Повернуться негде! -- негодовала она.-- Да мы и места не занимаем... и никого не трогаем, если к

нам не лезут..." Но няню она поняла и на нее не обиделась.

-- Бывают такие люди,-- сказала она.-- Боятся нас, и все. Мы ведь тоже иногда кого-нибудь боимся. Но с такими хоть знаешь, что к чему. А вот если кто тебя любит... или говорит, что любит...

Она не договорила, быстро отвернулась и принялась яростно вылизывать себе спинку. Чтобы ее отвлечь, он стал рассказывать про вчерашние события, но только он упомянул кошку в скверике, Дженни оживленно спросила:

-- А она красивая? Красивей меня?

Питер вспомнил хорошенький меховой шар с пышными усами, но обижать свою спасительницу не захотел. Сама она красотой не отличалась. Правда, глаза у нее были ничего, но при такой худобе какая уж красота. Однако он смело воскликнул:

-- Ты куда красивей!

-- Нет, правда? -- переспросила Дженни, и Питер услышал впервые, как она мурлыкает.

Когда он досказал все до конца, она долго думала, глядя вдаль. Наконец она повернула к нему голову и спросила:

-- Что же нам делать?

-- Не знаю,-- сказал Питер.-- Если уж я кот, что тут поделаешь!..

Дженни положила лапку ему на лапку и сказала:

-- Котом сразу не станешь. Надо нам будет позаниматься.

-- Чего там,-- сказал Питер, которому заниматься надоело.-- Ешь мышей да урчи, только и всего.

Дженни было обиделась, но мордочка ее почти сразу стала ласковой и даже как будто красивой.

-- Я тебя всему научу,-- пообещала она.-- Только никому не говори, что ты мальчик. Мне сказал, и ладно, другим не говори, не поймут.

Питер кивнул, и Дженни нежно погладила его. Лапка у нее двигалась так мягко, что Питеру стало совсем хорошо.

-- Что ж, начнем, -- сказала Дженни.-- Чем раньше, тем лучше. Первое и самое главное -- умывание. Кошкам надо знать, как умываться и когда. Вот, слушай...

Глава 5. КОГДА ТЕБЕ ТРУДНО -- МОЙСЯ!

Когда тебе трудно, мойся,-- сказала Дженни. Сидела она ровно и даже строго, под самым "N" с короной, и сильно напоминала учительницу. Но глаза у нее радостно поблескивали и меховые щеки раздвигала улыбка. Свет падал сверху прямо на нее, словно она была на сцене.

-- Если ты, ошибся,-- говорила она,-- или расстроился, или обиделся, мойся. Если над тобой смеются, мойся. Если не хочешь ссоры, мойся. Помни: ни одна кошка не тронет другую, когда та моется.

Всех случаев и не перечислишь. Скажем, дверь закрыта, ты не можешь попасть домой -- присядь, помойся и успокоишься. Кто-нибудь гладит другую кошку или, не дай бог, играет с собакой -- мойся, и тебе будет все равно. Загрустил -- мойся, смоешь тоску. Разволновался -- мойся, и возьмешь себя в лапы. Всегда, везде, в любом затруднении -- мойся, и тебе станет лучше.

-- Конечно,-- заключила она свою речь,-- кроме того, ты станешь чище.

-- Мне всего не упомнить,-- сказал Питер.

-- И не надо,-- отвечала Дженни.-- Помни общее правило: трудно тебе -- мойся.

-- Не научусь я по-вашему мыться,-- снова попытался было Питер, который, как все мальчики, мыться не любил.-- Как я до спины дотянусь?

-- Какая чепуха! -- воскликнула Дженни.-- Помни: кошка дотянется до любого места. Сразу видно, что у тебя кошки не было. Смотри на меня и повторяй. Начнем со спинки.

Она выпрямилась еще сильнее, повернула голову, почти вывернула, и принялась короткими ударами языка мыть левую лопатку, вжимая подбородок в

серый мех. Охватывала она все больше места, и, наконец, ее язычок проводил каждый раз по всей спине.

-- Никогда не смогу! -- вскричал Питер.-- Мне и голову так ие вывернуть!..

-- А ты попробуй,-- сказала Дженни.

Он попробовал, и голова повернулась носом назад. Тогда он высунул язык, лизнул белый мех, и дело пошло.

-- Молодец! -- подбодряла Дженни.-- Bravo! Теперь пониже, вниз по хребту...

Долизав до середины спины, Питер так обрадовался, что замурлыкал, не переставая мыться, и это ему удалось.

-- Чтобы вымыть нижнюю половину,-- сказала Дженни,-- изогнись вот так и опустишь немного, полулежи-полусиди... Очень хорошо!.. Обопрись на правую лапку, а левую прижми, чтоб не мешала. Так. Мой левую сторону до конца, перевернись и мой правую.

Питер все выполнил, удивляясь, как это легко, и даже попытался вылизать хвост, но Дженни его поправила.

-- Придержи его лапой. Да, да, правой. На нее опирайся, ей и держи. Вот так. Мыть под хвостом научимся позже. Сейчас отработаем живот, манишку, лапы и внутреннюю сторону ляжек.

Передние лапки он вылизал с легкостью, но к манишке перейти не сумел.

-- Со временем, -- сказала Дженни, -- будешь мыть манишку сидя, но пока ложись, так легче. Ложись на бок, как я...

Он лег и обнаружил, что может мыть свой мех прямо под подбородком. Однако дальше груди он не дотянулся.

-- Да, это потрудней,-- улыбнулась Дженни,-- смотри на меня. Сядь, и притом на хвост. Обопрись на любую из передних лап, можно и на обе. Задние расставь. Главное -- правильно изогнуться, мы ведь очень гибкие.

Все выходило так хорошо, что Дженни ввела новый метод.

-- А как ты вымоешь задние лапы изнутри? -- спросила она.

-- Ну, это легко! -- опрометчиво ответил Питер, но у него ничего не получилось, хвост и лапы начисто перепутались, и он неуклюже повалился на бок. Дженни огорчилась и раскаялась:

-- Ах ты, зря это я! Догадаться очень трудно, и сама поза трудная. Ты слышал такое выражение -- "нога пистолетом"? Ну, видеть-то ты видел.-- И она подняла правую заднюю лапу прямо вверх. Поза была совершенно немыслимая, ее мог бы повторить только циркач, и все же Питер принялся за дело, но снова чуть не завязался узлом.

-- Нет, смотри,-- сказала Дженни.-- Давай по порядку. Сперва примостись покрепче на основании хвоста (Питер примостился). Ободрись на левую переднюю лапу. Так. Теперь сядь поудобней, а спину изогни (Питер превратился в заглавное "С"). Вытяни левую заднюю во всю длину, для равновесия, тогда не свалишься. А вот теперь вытягивай правую прямо вверх. Да, хорошо, только не внутри правой передней, а снаружи. Ну, вот! Опирайся как следует, всем весом, прекрасно!

Питер обрадовался, и ему захотелось, чтобы няня увидела его. Теперь он лизал где хотел, без подсказок, сам вылизал левую лапу, вызвав восхищение наставницы, которая, однако, сообщила, что и это еще не все: он не умеет мыть затылок, уши и морду.

Питер с готовностью высунул язык, но ничего не получалось, и он жалобно проговорил:

-- Вот оно, самое трудное...

-- Нет. Это самое легкое,-- улыбнулась Дженни.-- Смочи переднюю лапу... (он смочил) и мой, где хочешь.

И Питер вымыл дочиства сперва уши, потом щеки, потом затылок, потом усы и подусники и, наконец, маленький треугольник под самым подбородком.

В последних лучах солнца он видел, как сверкает его белейший мех, который стал пушистым и нежным, словно шелк, но глаза у него слиплись, и будто издали доносился ласковый голос Дженни:

-- Теперь мы оба поспим, а потом я расскажу тебе о себе.

Глава 6. ДЖЕННИ РАССКАЗЫВАЕТ О СЕБЕ

Как я уже говорила, -- сказала она, проснувшись, -- зовут меня Дженни и во мне, прибавлю, есть шотландская кровь. И моя мать, и я сама родом из Глазго. Собственно, род наш восходит к Африке. Предки мои попали в Испанию и служили на кораблях Великой Армады. Одна из них приплыл на доске к шотландскому берегу. Фамилия наша -- Макмурр.

-- Я читал, как адмирал Дрейк победил Армаду, -- вставил Питер, -- и буря разбросала галеоны, но про кошек там не было...

-- Однако служили и кошки на этих галеонах, -- сказала Дженни. -- Строго говоря, что нам Испания! Мы жили задолго до того в Египте. Ты заметил, какая у меня маленькая голова? Египетская порода. Конечно, и лапки...

Дженни легла на бок и протянула Питеру все четыре лапы.

И подушечки и вся внутренняя сторона оказались черными. У Питера они были розовые.

-- Когда знаешь, кто твои предки, -- продолжала Дженни, -- все же как-то легче. Из Глазго в Лондон нас привезли в корзине, и маму, и сестер, и меня. Мама очень хорошо учила нас, воспитывала, и меня забрали в одну семью к одной девочке. Три года я не знала горя.

-- Девочка была хорошая? -- спросил Питер.

Дженни ответила не сразу и, уже не стесняясь, смахнула лапкой слезу.

-- Лучше некуда, -- отвечала она. -- Звали ее Элизабет, Бетси. Когда она возвращалась из школы, я прыгала к ней на руки, она меня обнимала, а я терлась о ее щеку, и мы долго ходили вместе, словно у нее на шее -- меховое боа.

Именно об этом мечтал Питер и вздохнул. Вздохнула и Дженни.

-- На рождество и на Новый год, -- продолжала она, -- мне разрешали залезать в коробки. На мой день рождения Бетси звала гостей, и мне дарили подарки. Все меня любили, и я их любила, я даже понимала кое-что по-человечьи, хотя язык этот и труден и неблагозвучен. И вот однажды, два года тому назад, я заметила, что все чем-то заняты. Вскоре я поняла, что мы переезжаем. Только не знала, в другой дом или за город, на дачу.

Дженни прикрыла глаза на минутку, словно хотела получше вспомнить свою беду. Потом открыла их, вздохнула и продолжала рассказ:

-- Дом у нас был большой, паковали все очень долго, а я ходила, нюхала, терлась об вещи, чтобы получше понять, что к чему. Сам знаешь, как много вам скажут усики (Питер этого не знал, но не возразил ей). Но я ничего не поняла, и особенно меня сбило с толку то, что хозяйка моя уходила с Бетси на ночь. Каждый вечер мою корзину переносили наверх, в мансарду, и ставили мне блюдечко молока. А однажды утром никто не пришел. И вообще никто больше не пришел, ни хозяйка, ни Бетси!.. Они меня бросили.

-- Бедная ты, бедная! -- воскликнул Питер и тут же прибавил: -- Нет, не может быть. С ними что-нибудь случилось.

-- Побудешь кошкой с мое, -- сказала Дженни, -- поймешь, что такое люди. Они нас держат, пока им удобно, а когда мы без всякой вины помешаем им, бросают, и живи, как хочешь, то есть помирай...

-- Дженни! -- снова закричал Питер. -- Я никогда тебя не брошу...

-- Может, ты и не бросишь, -- сказала Дженни, -- а вот люди бросили. Я тоже сперва не верила, слушала, смотрела в окно. Потом стада мяукать все громче и громче, но никто меня не услышал и никто не пришел.

-- Ты, наверное, страшно хотела есть? -- спросил Питер.

-- Не в том дело, -- ответила Дженни, -- с душой у меня стало худо. Сперва я тосковала по Бетси, потом почувствовала, что я ее ненавижу. Да, Питер, я научилась ненавидеть, а это хуже и голода и боли. С тех пор я не верю ни единому человеку.

Потом пришли какие-то женщины, наверное, новые хозяйки. Одна из них хотела меня погладить, но я так озверела, что укусила ее. Она меня выпустила, и я юркнула в незапертую дверь. Так все и началось...

-- Что именно? -- не понял Питер.

-- Независимость от людей, -- пояснила Дженни. -- Мне ничего от них не

надо, я ни о чем их не прошу и никогда не пойду к ним.

Не зная, чем ее утешить, Питер подошел к ней и лизнул ее в щеку. Она улыбнулась ему и замурлыкала. И тут раздались шаги.

-- Мебель перевозят! -- сразу догадалась Дженни.-- Ах ты, жаль! Какой хороший был дом... Бежим, а то сейчас начнут орать.

Питер послушно побежал за ней, и вдруг ему невысказанно захотелось пить -- все же котом он еще не пил ничего, хотя столько бегал, говорил и дышал пылью.

Глава 7. НА ПОРОГЕ ПРИОСТАНОВИСЬ!

-- Молока бы сейчас!..-- сказал Питер.-- Я бы выпил целый стакан.

Дженни обернулась.

-- Целое блюдце,-- поправила она.-- Из стакана ты пить не сможешь. А что до молока, мы, знаешь, без него обходимся. Из лужи полакаешь, и ладно.

Слова эти были так неприятны, что Питер заплакал и закричал:

-- А я пью молоко! Каждый день! Няня...

-- Тиш-ш, тиш-ш,-- сказала Дженни.-- Бродячих кошек молоком не угощают. Привыкай.

Но Питер привыкать не хотел и тихо плакал, а Дженни удивленно глядела на него. Судя по ее взгляду, она спорила сама с собой и наконец прошептала:

-- Ну, что же... идем...

-- Куда? -- спросил Питер.

-- К одному старичку,-- сказала Дженни.

-- Значит, ты все-таки берешь у людей,-- сказал Питер.

-- Брать иногда беру, но ничего им не даю,-- сказала Дженни с печальной суровостью.

-- Разве так можно? -- спросил Питер. Он не хотел обижать Дженни, но его учили, что именно так делать нельзя. Дженни поджалась и сказала почти сухо:

-- Выбора, Питер, у нас нет.

Тут послышался крик: "Вроде бы все!",-- И другой: "Ну, двинулись!" Дженни выглянула из-за угла и сказала:

-- Сейчас они уйдут. Подождем немножко и побежим дальше.

Убедившись, что возчики и впрямь ушли, Питер и Дженни побежали по коридорам и нырнули в какую-то дыру. Там было темно, но Питер усами чувствовал, где Дженни, и легко следовал за ней. Вскоре из другой дыры они увидели светлую улицу. Обрадовавшись солнечному свету, Питер обогнал Дженни, но она окликнула его:

-- Постой, не беги! Кошки никогда не выбегают сразу. Второе наше правило: "Приостановись на пороге!" Надо все знать, а уж потом идти. Подождем немного.

Питер сел рядом с ней и сразу понял, как она была права.

Прямо веред вими один за другим мелькали тяжелые ботинки. Дальше катились колеса, сменявшиеся иногда огромными копытами. Часы пробили четыре так далеко, что человек бы их не услышал. Питер потянул носом и попытался разобраться, что же сообщают ему запахи. Пахло чаем. Кроме того, пахло бензином, лошадьми, мускусом, дегтем, выхлопными газами и паровозным дымом.

Дженни в последний раз повела ушами и сказала:

-- Можем идти. Котов нет, собака прошла, но неопасная, в доке разгружают чай.

-- Как же ты все узнала? -- удивился Питер.-- Я никогда так не смогу...

-- Сможешь,-- сказала Дженни и, польщенная, замурлыкала.-- Это очень просто. Запах чая слышишь и ты. Когда я была на улице, чаем не пахло. Значит, судно недавно пришло. Собака неопасна вот почему: если бы у нее было хоть какое-нибудь чувство собственного достоинства, она была бы чистой. А собаке без достоинства не до кошек.

Питер снова сказал то, что нужно:

-- Какая ты умная, Дженни!
Дженни замурыкала, заглушая грохот подводы, и весело крикнула:
-- Пошли!

Глава 8. КАК ОБМАНУЛИ СТАРИЧКА

Они не шли и не бежали, а двигались короткими перебежками, и Дженни объясняла:

-- Никогда ниоткуда не уходи, если не знаешь, где спрятаться. На открытом пространстве не задерживайся, перебегай с места на место. Если район знакомый, это нетрудно.

Так добрались они до открытых железных ворот. Дженни заранее определила, что открыты они, потому что недавно пришел поезд и двигаться стало много легче -- прямо под вагонами.

Хибарка старичка-сторожа стояла на самом краю. Вид у нее был самый приветливый, а по обеим сторонам двери в длинных ящиках цвела герань.

-- Он дома, -- сказала Дженни и громко замяукала.

Бедно одетый старичок с пышными усами тут же появился на пороге.

-- Вот тебе на! -- сказал он. -- Полосатенькая пришла, не забыла Билли Гримза!.. И дружка привела! Кис-кис-кис...

Питер заметил, что его снежно-белые волосы давно не стрижены, щеки красные, как яблоки, руки узловатые и темные, а глаза голубые, печальные и очень добрые.

"Какой старый! -- подумал Питер. -- А похож на мальчика..."

Дженни снова замяукала, а старичок сказал:

-- Молочка хотите! Сейчас, сейчас...

-- Слышал? -- воскликнула Дженни. -- Я поняла слово "молочко".

-- А я понял все, -- сказал Питер.

-- Неужели ты все у них понимаешь? -- удивилась Дженни.

-- Конечно, -- ответил Питер. -- Я же сам из них.

Тут старичок вынес к дверям большое блюдо и бутылку.

-- Вот и мы, -- сказал он. -- Молочко хорошее, свежее... Пейте, киски, пейте!..

-- Лучше бы в дом не заходить, -- сказала Дженни. -- Здесь бы и выпили...

Но старичок поставил блюдо по ту сторону порога, и она сдалась, тяжело при этом вздохнув.

Питер кинулся к блюду, сунул мордочку в молоко и сразу стал чихать.

-- Так я и думала! -- вскричала Дженни. -- Надо не пить, а лакать!

-- Де убею, -- проговорил Питер. -- Даучи бедя...

Дженни перешла на его сторону блюдечка, опустила голову, и ее розовый язычок замелькал с немислимой быстротой.

Мистер Гримз засмеялся:

-- Манерам тебя учат? Ничего, со всяким бывает...

Питер попытался лакать, но молоко стало выплескиваться на пол.

-- Ах, забыла! -- пришла на помощь Дженни. -- Ты выгибашь язык ложечкой вверх, а надо крючком вниз.

-- Что ты такое говоришь! -- возроптал Питер. -- Ложечка зачерпнет молоко, а крючок -- нет. Да я и не сумел бы, язык не вывернуть.

-- Мальчику не вывернуть, а ты -- кот, -- сказала Дженни. -- Лакай!

Питер послушался и, к своему удивлению, почувствовал вкус молока. Он жадно лакал, пока не вспомнил, как было с мышью, и отошел в сторонку.

Дженни вознаградила его чарующей улыбкой и долакала блюдечко, а он тем временем стал осматривать комнату. Стояли тут кровать, полка, стул и стол, а на столе -- маленький приемник и старый будильник. По самой середине торчала толстопузая печка, из которой прямо в потолок шла ржавая труба. Сейчас печка топилась, на ней пел чайник и что-то жарилось. Все в комнате было ветхое, бедное, но казалось, что здесь нарядно, словно во дворце, потому что повсюду стояли и висели горшочки с геранью всевозможных оттенков: и бледно-розовой,

как цвет яблони, и нежно-оранжевой, как семга, и розовато-бежевой, и кирпичной, и чисто алой, как закат. А все-таки Питеру стало так жалко мистера Гримза, что он принялся мыться с особой яростью.

-- Моешься? -- ласково сказал мистер Гримз.-- Ты подожди, сейчас печеночки получишь...-- Снял сковородку с огня, разрезал печенку пополам и мелко нарезал ту половину, которая причиталась кошкам.

Дома Питер печенку не любил, но сейчас себя не помнил от радости. Обрадовалась и сдержанная Дженни. Старичок положил на блюдечко две одинаковые кучки, и гости снова встали по обе стороны.

Себе мистер Гримз налил чаю, намазал маргарином кусок хлеба, сел к столу и принялся есть печенку, приговаривая:

-- Вы оставайтесь у меня, тут хорошо, тихо... Один, бывает, и затоскуешь, а втроем красота! Цветочки вам ничего, цветочки вы, кошки, любите... Печенка не печенка, а каша вам будет, и молочко, а то и мясо... Кровать я переставлю вон туда, в уголку вам тряпочек набросаю...

Питер только того и хотел, во Дженни спросила, умываясь после еды:

-- Что он такое говорит?

Питер стал рассказывать как можно заманчивей, однако она перебила его:

-- Вот видишь!

-- Он такой добрый...-- начал Питер, и Дженни перебила опять:

-- Поверь мне, все они сперва добрые. Мойся, а кончишь -- делай, как я. Тем временем старичок собрал посуду в лохань и направился к двери.

-- Воды у нас нет,-- пояснил он.-- Ничего, колонка рядом... сейчас все и помоем...

Вернулся он почти сразу и поставил волю подогреть. Однако дверь осталась чуть приоткрытой, и Дженни это заметила.

-- Приготовься! -- быстро шепнула она.

-- К чему? -- не понял Питер, но ответа не было. Дженни прыгнула к двери, крикнув: "За мной!"

Не понимая, что делает, он побежал за ней, словно спасался от погони. Сзади доносился голос старичка:

-- Куда вы? Эй, куда вы? Вернитесь! Следующий раз я вам всю печенку отдам! Киска! Беленький! Куда это вы?

Питер остановился и обернулся. Старичок стоял в дверях, между альми кустами, беспомощно протягивая руки. Он сильно сутулился, и белые усы печально свисали вниз.

Дженни юркнула за кучу канистр из-под бензина. Питер, как привязанный, побежал за ней, и они перебежали от канистр к ящикам, от ящиков -- к дровам, от дров -- к железному лому, пока не оказались очень далеко. Тогда Дженни сказала:

-- Молодец!

Но Питер совсем не чувствовал себя молодцом.

Глава 9. КОШКИ ЕДУТ ЗАЙЦАМИ

Ой, смешно! -- веселилась Дженни.-- Никогда не забуду, как он смотрел. Дурак дураком! А ты что не смеешься?

-- Мне не смешно,-- сказал Питер.

Дженни посмотрела на его хвост.

-- Ты что, сердисься? -- спросила она.

-- Нет,-- печально отвечал Питер,-- что с тебя взять... А с хвостом, ты уж прости, ничего поделать не могу.

-- Да что такое? -- удивилась Дженни.

-- Он не дурак и не смешной,-- сказал Питер,-- а одинокий и несчастный.

-- Ты пойми,-- возразила Дженни,-- он подкупал нас молоком и печенкой...

-- Нет, не подкупал,-- сказал Питер.-- Он угощал нас. А мы с тобой поступили подло.

Глаза у Дженни заблестели, ушки прижались к голове, хвост угрожающе задвигался.

-- Все люди плохие,-- сказала она.

-- Почему же ты водишься со мной? -- спросил Питер.

-- Ты кот! -- закричала Дженни.-- Обыкновенный белый кот... Ой, Питер, да мы же ссоримся! Из-за человека! Вот видишь, какой от них вред!

Питер вспомнил всю ее доброту, и ему стало стыдно.

-- Прости меня, Дженни Макмурр,-- сказал он.-- Если тебе тяжело говорить про мистера Гримза, я больше не буду.

Дженни отвернулась и принялась мыться. Принялся мыться и он. Мылись они довольно долго, пока на реке не показался большой пароход. Тогда Дженни поглядела на своего друга.

-- Ты такой умный...-- сказала она.-- Наверное, и читать умеешь?

-- Конечно,-- ответил он.-- Что хочешь прочитаю... если слово не очень длинное.

-- Прочитай! -- попросила она.-- Ну, хоть вон там, на пароходе...

-- "Мод 0'Рили",-- охотно прочитал Питер.

-- А вон на том, подальше?

-- "Амстердам",-- сказал Питер. Он глядел, как опускается солнце за густым лесом мачт, и думал, где же они с Дженни приютятся на ночь.

-- Ты хочешь уплыть на корабле? -- спросила Дженни.

-- На корабле? -- закричал он.-- Куда?

-- В Шотландию,-- отвечала Дженни.-- Я давно собираюсь в Глазго, у меня там родня.

-- Денег нет,-- сказал Питер.-- Мы не можем купить билетов.

-- Мы будем работать.-- Сказала Дженни.-- Там очень нужны кошки. Я-то знаю, я плавала... Только я не понимала, куда корабль идет. Хотела в Египет -- попала в Осло!.. А теперь, когда мы читаем, беспокоиться не о чем. Я уж выберу, что нам надо.

-- "Раймона",-- читал Питер.-- Лиссабон.

-- В Лиссабоне полно кошек,-- замечала Дженни.-- Моего типа.

-- "Вильямар", Хельсинки...-- продолжал он.-- "Изида", Александрия...

Дженни заколебалась, но устояла.

-- Нет, не теперь... Когда-нибудь отправимся и в Египет, где почитали кошек...

И так отвергала она все, двигаясь все дальше, пока на борту небольшого судна Питер не прочитал уже не золотые, а белые буквы: "Графиня Гринок", Глазго.

-- Да,-- сказала Дженни, разглядев корабль.-- Нелегко тут будет сохранять чистоплотность...

-- А они нас не выкинут? -- спросил Питер.

-- Моряки? -- фыркнула Дженни.-- Да никогда! Не забывай, что мы кошки, а они народ суеверный. Пошли. Насколько я разбираюсь в кораблях, охраны там нет.

Она не ошиблась, и кошки по сходням взошли на корабль.

Глава 10.

СКОЛЬКО СТОЯТ ДВА БИЛЕТА ДО ГЛАЗГО

Двери были повсюду открыты, и Дженни, опытная в морском деле, беспрепятственно пробиралась в кладовую при камбузе. Железная лесенка вела оттуда вниз, в большое помещение, где стояли холодильники, а на полу лежали припасы, рассчитанные на все плавание. Там царил тьма, только вдалеке слабо светилась лампочка, но у кошек зрение острое, и они ловко двигались среди бочонков, ящиков и коробок. Именно тут Питер увидел и упустил свою первую мышь.

Ошибки Питер сделал такие: не прикинул расстояние, прыгнул сразу, летел, растопырив лапы и разинув рот. Конечно, когда он приземлился, мыши не было и в помине. Он лязгнул зубами и ударился с размаху о железный ящик, страдая от того, что так опозорился при Дженни.

-- Ах ты, не подумала!..-- сказала Дженни.-- Откуда ж тебе было научиться?.. Ну, сейчас и начнем...

-- Неужели всему надо учиться? -- сердито и жалобно вскричал Питер.

-- Конечно, -- отвечала Дженни. -- Главное -- практика. Даже я разучусь, если не буду тренироваться. Ненавижу такие слова, но здесь нужно мастерство. Ловить надо лапами, а не ртом, но самое важное -- приготовиться. Гляди-ка, я покажу...

Она отползла от мыши и принялась раскачивать все шире заднюю часть тела. "Мы качаемся так не для забавы, -- говорила она, -- и не по слабости нервов. Если стоишь неподвижно, гораздо труднее подпрыгнуть и приземлиться, где хочешь. Попробуй, увидишь сам".

Питер попробовал. Сперва выходило очень неуклюже, но вскоре он нашел нужный ритм и, удачно раскачавшись, стрелой взлетел вверх.

Вслед за этим стали отрабатывать положение лап в полете. Вся суть в том, чтобы в воздухе, на лету очень быстро бить лапами. Сделать это гораздо труднее, чем кажется, ибо ты, работая передними лапами, должен вовремя приземлиться на одни только задние.

Вторую мышь он чуть-чуть не поймал. Упустил он ее по излишней старательности, и Дженни его похвалила, а в реестр ошибок занесла чрезмерную быстроту и недостаточно точный глазомер.

-- Ждать надо больше, -- пояснила она -- Мыши туповаты и не почешутся, пока ты их не испугаешь, да и то еще посидят, поддрожат, так что времени завалится.

Третью мышь Питер поймал очень ловко. Дженни снова похвалила его и, когда он галантно преподнес ей добычу, с удовольствием ее съела.

Следующих мышей они оставили целыми: Дженни хотела предъявить команде образцы работы -- Питера и своей.

Ночью Питер проснулся от неприятного чувства. Пахло по-новому, очень гадко, а в углу сверкали красные огоньки. Не в силах шевельнуться, он почувствовал усами, что и Дженни проснулась. Сейчас она впервые использовала этот вид связи, сигнализируя: "Опасность! Я не могу тебе помочь. Смотри на меня и учись, как знаешь. А главное -- что бы ни случилось, не шевелись и не двигайся, не издавай ни звука".

Сердце у Питера колотилось, и он видел сквозь тьму то, что ни в малой степени не напоминало веселую мышиную охоту. Дженни вся подобралась, напряглась и, втянув голову, стала подползать к врагу. Движения ее были осторожны и значительны, как никогда. У Питера пересохло в горле, и он почувствовал, как дрожат его усы, но с места он не двигался.

Дженни стлалась по полу. Вдруг она замерла, вытянулась и секундодругую пристально глядела на жертву.

Измерив расстояние, она медленно собралась в стальной, покрытый мехом шар, покачнувшись влево, вправо и взлетела в воздух.

Мерзкая тварь успела обернуться, Питер увидел острые зубы и чуть не крикнул: "Берегись!", но вспомнил приказ и не издал ни звука. Тогда и увидел он чудо: Дженни сделала в воздухе полуповорот и упала на спину врага.

Питер зажмурился. Долгую минуту он слышал дикий скрежет когтей и страшный лязг зубов, но Дженни своих зубов не размыкала. Наконец челюсти ее сомкнулись, и что-то тяжело шмякнулось на пол.

-- Мерзость какая! -- сказала Дженни. -- Терпеть их не могу. И заметь, если они тебя укусят, ты захвораешь, а то и умрешь. Всегда я этого боюсь...

-- Ты самая смелая кошка на свете, -- искренне сказал Питер.

Но Дженни даже не обрадовалась. Она жалела, что втравила друга в такое опасное дело.

-- Учиться на них нельзя, -- сказала она. -- Себе дороже. Давай хоть отработаем поворот! Во всем остальном делай, как я, и помни, что малейшая ошибка может стоить жизни. Пока что предоставь их мне, да получше гляди. -- И Дженни принялась мыться, а у Питера прошел холодок по спине.

Кошек обнаружили на седьмом часу после отплытия. Когда чернокожий кок зашел в кладовую, он увидел, что на полу аккуратно лежат в ряд восемь мышей и три "этих". Половину мышей поймал Питер и жалел, что не может поставить на них подпись.

Негр широко улыбнулся, отчего лицо его стало совершенно треугольным -- кверху уже, книзу шире -- и сказал:

-- Вот это да! Пойти показать капитану...

Нравы на судне были простые, и кок действительно пошел на капитанский мостик. Там он поведал всю историю и развернул фартук, куда сгрузил образцы.

Капитан взглянул, пошатнулся и приказал немедленно вышвырнуть все в воду. Он и вообще был не в духе, но кошек разрешил оставить, хотя велел рассадить их по разным местам.

И друзей впервые разлучили: Дженни отрядили в кубрик к матросам, Питера -- в офицерские каюты.

-- Не беспокойся! -- успела крикнуть Дженни.-- Друг друга мы найдем. А если встретишь эту, не раздумывай и не играй.

Тут ее схватили за шкурку и унесли.

Глава 11.

КОРАБЛЬ И ЕГО КОМАНДА

Прежде, еще дома, няня часто рассказывала Питеру о небольших парходиках, посещавших маленький порт под Глазго, в котором она жила девочкой. Сейчас Питер думал, что среди них не было такой нелепой развалины, как "Графиня". Пока она медленно двигалась вдоль южных и западных берегов, бросая ржавый якорь при малейшей возможности, Питер изучал ее удивительную команду.

Кроме второго механика, днем и ночью торчавшего у старых машин, из которых как-то удавалось выдавить медузью скорость, никто не занимался своим прямым делом. Начать с того, что капитан просто ненавидел море, ухитряясь как можно больше времени проводить на суше. В самом плавании он участия ие принимал и, сколько мог, сидел у себя в каюте. Если никак нельзя было отвертеться, он высовывался, орал, а потом, судя по звукам, швырял на пол что попало. Кошкам посчастливилось его увидеть, и они установили, что он не по-шотландски тучен, глазки у него маленькие и хитрые, а многочисленные подбородки напоминают круги на воде.

Первый помощник, мистер Стрэкен, не походил на него ничем. Он был высок и молод, море любил и бредил приключениями. С капитаном они вечно ссорились, но тот все же сваливал на помощника все дела. Однако мистер Стрэкен не столько работал, сколько рассказывал о невероятных происшествиях, и если ему не верили, предъявлял доказательства, например, вынимал обгорелую спичку, поясняя: "Да я ее как раз зажег!.."

Дженни работала у матросов и приносила рассказы об их странностях. Один матрос прожил десять лет в пещере, хотел стать отшельником, но передумал; другой был парикмахером, завивал дам, пока не спалил кому-то волосы; а боцман по имени Энгус вышивал. Кто-то из новых стал над ним смеяться, но Энгус свалил его одним махом; а когда тот пришел в сознание, ему объяснили, что смеяться нечего, ибо могучий боцман сдает куда-то свои изделия и получает по три фунта за штуку.

Крутясь среди людей, Дженни все лучше понимала их язык. Тяготило ее лишь то, что на судне грязно. Питера грязь не раздражала, и ему жилось совсем хорошо. Кормили их так, что мышей они и не пробовали. Работали они ночью, и то мало. После завтрака они спали, встречались после обеда и в хорошую погоду гуляли по палубе, а в плохую тренировались, отрабатывая все движения и приемы, которые необходимы настоящему, самостоятельному коту.

Глава 12.

КОТ ЗА БОРТОМ!

С бесконечным терпением Дженни учила Питера управлять своим телом. Они отработали поворот в воздухе, и он научился менять направление. Он почти летал, радуясь силе и свободе, приходившим к нему, когда он кувыркался в воздухе. Наконец он усвоил самое важное: как извернуться на лету, чтобы упасть на все четыре лапы.

Бывали у них и тихие часы, когда они лежали рядом на солнышке или в трюме, и Питер спрашивал Дженни о разных вещах. Например, он не знал, почему она любит сидеть, где повыше, и она ему объяснила, что много, много лет назад кошки спасались от врагов, прыгая на скалы и на ветки, а оттуда глядели вниз, не приближается ли опасность. С тех же самых времен, сказала

она, кошки полюбили тесные закутки, где они защищены со всех сторон, и теперь норуют улечься в коробке или в ящике стола.

Да, Дженни многому научила его, и все же, когда пришло испытание, он еще не был настоящим котом.

Началось с большой победы. День был ясный, небо чистое. Пароход наверстывал упущенное и двигался довольно быстро. Питер дремал на складе, поджидая трех часов, когда наступало самое тихое время. Дженни поджидала того же часа на корме, греясь на перилах, которые по-морскому называются леером.

Без десяти три Питер проснулся и наскоро умылся. Потом он сладко потянулся, предвкушая, как расскажет Дженни про одного смешного моряка. Память у Питера еще перебивала ощущения, а то бы он почувствовал запах раньше. Когда же он увидел, было почти поздно.

К своему удивлению, он понял, что не вспоминает уроков, но мыслит совершенно четко. Прыжок он выполнил безупречно, все делал как надо. Ровно в три он появился на корме, чтобы отчитаться перед Дженни.

Судовой плотник увидел его первым и закричал:

-- Эй, глядите! Белый слона тащит!

Крики разбудили Дженни. Она не собиралась крепко спать, но пригрелась на солнце, море ее укачало, а теперь она проснулась внезапно и не поняла, кто кого тащит, кто кого убил. Ей показалось даже, что они еще дерутся. Не теряя времени, она издала дикий вопль, кинулась на помощь, перевернулась на лету и упала в море.

Бывший отшельник посочувствовал Питеру:

-- Пропала твоя подружка!..

Но Питер его не слышал. Выпустив жертву, он белой полоской сверкнул в воздухе и перелетел через леер.

Глава 13.

КАК МИСТЕР СТРЕКЕН ПРЕДСТАВИЛ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Питер с громким всплеском шлепнулся в воду. Вода вздымалась, пенилась, кипела, завивалась водоворотом. Кроме того, она была невыносимо холодной.

Питера закрутило и понесло куда-то, затащило вниз, вытолкнуло вверх и прежде, чем он успел глотнуть воздуха, снова потянуло в зеленые глубины. Грудь у него лопалась, но он бил всеми лапами, пока ему не удалось вынырнуть подальше от корабля. Здесь, вдали от водоворотов и удушающей пены, кот поплыл по соленому морю, похожему на зеленое стекло.

Ярдах в пятидесяти он увидел черное пятнышко и попытался крикнуть: "Дженни, держись!", но только набрал полный рот воды. Однако ему показалось, что он слышит слабый крик, и, держа голову, он с удвоенной силой заколотил лапами. Мокрая головка с крепко прижатыми ушами то и дело исчезала под водой. Слабый голос доносился до него, и он разобрал слова:

-- Питер, плыви назад!

Головка исчезла. Питер колотил по воде, но он уже не знал, куда плыть, и потерял бы Дженни, если бы кончик хвоста не высунулся из-под воды, как буюк. Тогда по-человечески, не по-кошачьи Питер нырнул с открытыми глазами, осторожно вцепился зубами в полосатую шкурку и быстро выскочил наверх.

Он поплыл очень медленно, стараясь держать над водой и свою и ее голову и понимая, что долго так не проплывет. Берег был милях в двух, и Питеру в первый раз стало по-настоящему страшно. На корабль он не глядел, чтобы не видеть, как тот становится все меньше и меньше. Прекрасно понимая, что жить осталось мало, несчастный кот стал плавать по кругу; и нечаянно заметил их бывший приют.

К великому его удивлению, приют этот не уменьшался. Из трубы еще валил дым, но корабль не двигался. Сейчас он показался пловцу огромным и прекрасным, а еще прекраснее была шлюпка, поспешно двигавшаяся к ним. Сидели в ней, кроме гребцов, боцман и первый помощник.

Мистер Стрэкен закинул сачок, сооруженный из багра и сети, победно крикнул: "Поймал!" -- и, выудив кошек, перенес в лодку. Питер, еле шевеля лапами, стал выпутываться из петель, а Дженни плюхнулась на дно и лежала неподвижно. Глядя на них, первый помощник бормотал:

-- Ну и чудо... Чудо природы.., -- и, релетируя будущий рассказ, он перешел на возвышенный стиль.-- Не в силах допустить гибели возлюбленной, отважный кот превозмог врожденную неприязнь и бросился в жестокое море...

-- Проснется старик, по головке не погладит...-- сказал плотник.

А бывший отшельник прибавил:

-- Это уж точно... Зато вот кошечек спасли... Правда, одна подохла...

Именно этого и боялся Питер. Однако, судя по виду несчастной Дженни, отшельник был прав.

Прав был и плотник -- капитан ждал их, грозный, как огромная туча. Все подбородки его тряслись, рот сжался в точку, щелочки глаз сверкали злобой.

Мистер Стрзкен сунул Питера под мышку. Из-под другой его руки висела вниз головкой бездыханная Дженни, испуская тонкую струю воды. Капитан глотнул побольше воздуха, но из уст его вырвались лишь тонкие звуки, похожие на писк.

Выслушав первую порцию риторических вопросов, мистер Стрзкен на свою беду сказал:

-- Не в силах допустить гибели возлюбленной...-- И так далее, до заключительной фразы:-- При таких обстоятельствах я счел необходимым остановить судно, спустить шлюпку и спасти их.

-- Какого черта!..-- взревел капитан.-- Ради двух паршивых кошек...

-- Эти кошки, сэр,-- истинное чудо природы. Кто поверил бы, что кот рискнет жизнью ради любви? Но вот доказательство!

-- До-ка-зательство? -- еле слышно переспросил капитан.-- Идиот! Это просто кошки, да одна еще и дохлая! Хотя их на выставке выставьте, ничего они не докажут.

При слове "дохлая" Питер сам чуть не умер. Мистер Стрзкен, разинув рот, пытался уразуметь доводы начальника, который тем временем приказывал:

-- Идите к себе. Кошку швырните в воду. В Глазго сдадите мне дела. Вы уволены.

Питер вцепился было в руку мистеру Стрзкену, но тот не бросил Дженни в воду. Спеша обдумать, прав капитан или нет, он пошел прямо к себе, держа Дженни под мышкой. Войдя в каюту, он положил Дженни в уголок и сел к столу. Он был молод, а для молодых несправедливость нелегка.

Питер присел около Дженни. Она была такая маленькая и тихая, что из глаз его сами собой закапали слезы, соленые, как морская вода. И ему захотелось вылизать ее.

Начал он с головки, с кончика носа и лизал и мыл, в каждое движение вкладывая всю свою любовь и жалость. Мех был соленый, язык щипало. Питер очень устал, но ритм умывания околдовал его, и он лизал, словно заведенный. Стустились сумерки, загорелся свет в каютах, но мистер Стрзкен все сидел у стола, а Питер прилежно вылизывал Дженни. Повинуясь мерному ритму, он вылизал костлявую грудку, в которой не билось сердце, худые бока, белую мордочку, места за ушами. Он лизал, лизал, лизал, и в тишине каюты слышались лишь вздохи хозяина и мягкие удары языка о мех.

Вдруг кто-то чихнул.

Сердце у Питера остановилось. Сам он не чихал, мистер Стрзкен чихнул бы гораздо громче. С новой силой ударил он языком по беленькой манишке -- и ощутил слабое биение. Потом он услышал два тихих "ап-чхи" в слабый голосок:

-- Питер, где ты? Жива я или нет?..

Тогда он закричал так громко, что мистер Стрзкен поднял голову:

-- Жива!

Первый помощник включил свет, Дженни заморгала, чихнула еще раза два, освобождаясь от последних капель воды, и попыталась сама себя лизнуть. А Питер все не отходил от нее, умывал ее, служил ей.

Мистер Стрзкен издал странный звук, наклонился и погладил кошку.

-- Вот это всем чудесам чудо!..-- сказал он.

Потом схватил Дженни на руки и выбежал из каюты.

-- Капитан!-- кричал он, словно ничего и не было между ними, несясь по кораблю с кошкой на руках.-- Капитан! Смотрите-ка!..-- Капитан вылез из каюты, и мистер Стрзкен торжественно предъявил ему Дженни. Она мяукала и старалась обернуться, чтобы увидеть, здесь ли Питер.

Капитан прекрасно знал, что и живая кошка ничего не доказывает, но припомнил, как она висела вниз головой, посмотрел на ее живые глаза, блестящий нос, пушистые баки -- и в первый раз за долгое время ему стало

хорошо.

По судну немедленно побежал слух, что Дженни ожила, и когда мистер Стрэкен, обернувшись, показал ее команде, все радостно загалдели и стали хлопать друг друга по спине, приговаривая: "Вот это да!..", "Ну и ну!". Отшельник предложил трижды прокричать "ура", его поддержали, и, пока гремели крики, Питер чуть не лопнул от счастья и гордости.

И капитан простил помощника, и помощник приказал коку открыть банку молока, и налил полное блюдечко, и уложил Дженни у себя, а сам стал на вахту, и Питер был с ними всю ночь. Так и застал их лоцман порта Карлайл, когда взошел на борт, чтобы вести корабль в гавань.

Глава 14.

В ГЛАЗГО

К тому времени, когда "Графиня" причалила в Глазго, Дженни оправилась и похорошела. Ребра у нее уже не торчали, мордочка округлилась, отчего стали меньше уши, а шкурка сверкала и пушилась на славу. Если бы Питера спросили сейчас, он бы честно ответил, что Дженни прекрасна. Более того, она была изысканна, и все в ней -- слегка раскосые глаза, гордая маленькая головка, уши, удлиненность линий -- свидетельствовало об истинной породе.

Однако после того, как они юркнули на берег, Питер стал замечать и другие перемены. Собственно, еще на корабле Дженни все чаще молчала и сидела, глядя вдаль. На берегу она поначалу оживилась, хотя самому Питеру здешние доки показались такими же, как в Лондоне. Но Дженни нашла в них какие-то отличия, а главное, сразу начала учить его. Занялись они мусорными ящиками. Вся штука в том, объясняла Дженни, чтобы ходить вокруг ящика, снова и снова вставая на задние лапы, пока крышка не откроется. Питер освоил быстро это искусство. К тому же он научился опознавать бродячих собратьев по едва заметной вмятине на переносице -- именно носом они приподнимают крышки.

Открыв крышку, они по запаху определяли состояние отбросов и прыгали внутрь. Вскоре Дженни придумала усовершенствование: они повисали рядом на ящике, тот кренился вбок и с грохотом падал наземь, вываливая содержимое.

Научился Питер и подстергать у ресторанов, когда начнут стгужать отбросы в особый контейнер. На землю падали куски мяса или рыбы, очистки от овощей, кожура фруктов, отгрызки хлеба и пирожных, а кошки все это ели. Привередливый прежде, когда был мальчиком, кот Питер полюбил морковку и лук, дынные корки, цветную капусту, репу, кочерыжки, загадочные остатки коктейлей и, соревнуясь с чайками, выживал из воды пароходные объедки.

Все это было нелегко, но Дженни представлялось вполне естественным, и она не жаловалась, хотя и грустила. Родственники ее все не попадались, да Дженни и не искала их. И вот однажды, сидя под мостом в серый пасмурный день, Питер сказал:

-- Дженни, мне бы так хотелось, чтобы мы стали чьими-нибудь кошками...

Слова вырвалась сами, он знал, как ненавидит Дженни людей; но она почему-то не рассердилась, только долго смотрела на него, потом открыла рот, закрыла снова. Питер чуть было не начал развивать свою мысль, но тут раздался дикий лай, в три огромные собаки вылетели из темноты.

Лязгнули зубы, Дженни крикнула: "Питер, беги..."-- и стремглав ринулась куда-то. За ней промелькнул страшный пес, а другой навис над ним самим. Позже он помнил только широкую грудь в маленькую змеиную головку. Пасть у пса была открыта, когти страшно скребили по камням. Питер рванул вверх и полез куда-то.

Он карабкался все выше и выше с невероятной быстротой, сквозь дождь и туман, пока лай и хрипение не затихли далеко внизу. Когда до него уже доносился лишь неясный шум машин, он посмел приостановиться, дрожа с головы до пят, и понял, что висит на переплетении стальных полос. Не видя ни неба, ни земли, он отчаянно вцепился в эти полосы всеми четырьмя лапами.

Глава 15.

В ОБЛАКАХ

Где-то внизу пробило шесть, но Питер не знал, утро это или еще вечер. От страха и от усталости он совсем отупел и понимал одно: надо висеть, сколько можешь.

Наконец он услышал сквозь мглу слабый голосок, который охал и мяукал чуть снизу.

-- Дженни, Дженни! -- закричал Питер.-- Где ты? Что с тобой?

-- Питер! -- откликнулась она с облегчением.-- Какое счастье! Я так боялась, что они тебя поймали. Ты не ранен?

-- Нет,-- отвечал ов.-- Да где же ты? И где я сам? Как мне к тебе пролезть?

Дженни ответила не сразу.

-- Не шевелись,-- сказала она.-- Мы на башне подвесного моста.

-- На башне...-- повторил Питер.-- Да, я вроде летел вверх... Как интересно!

-- Питер,-- теперь ее голос стал жалобным.-- Прости меня, если можешь!.. Ах, боже мой, боже мой, я принесла тебе столько бед...

Питер не понял толком, что она имеет в виду, а она замолчала, и он не посмел спросить. Когда туман рассеялся, он увидел светлое небо и разобрался, где он, где Дженни. Действительно, оба они были на самом верху, Дженни чуть-чуть пониже, чем он, и на соседней, параллельной башне. Под ним, словно карта, лежал город, перерезанный лентой реки, и Питер подумал, что именно так видят Глазго птицы. К востоку зеленел большой парк, а на западе река становилась шире, и в доках виднелся нелепый и милый силуэт "Графини Гринок".

-- Дженни,-- крикнул Питер,-- собак давно нет. Лезь первая, я пойду за тобой.

Она ответила не сразу, и теперь он видел, с каким отчаянием она смотрит на него.

-- Питер,-- сказала она наконец.-- Прости меня, я не смогу. Так бывает с кошками. Вверх мы влезем, а слезть не можем, боимся. Ты не беспокойся обо мне. Лезь один.

-- Если бы я и мог,-- сказал Питер,-- я бы тебя не бросил. Но я не могу. Что с нами будет?

-- Повисим, пока не умрем,-- проговорила Дженни.-- Или не упадем...

Питер понял, что теперь должен утешать он.

-- Ничего,-- сказал он.-- Сейчас мы живы, и мы с тобой вместе, а что нам еще нужно?..

Наградой ему было слабое мурлыканье.

-- Спасибо, Питер,-- сказала Дженни.

-- И вообще,-- продолжал он,-- раньше или позже нас заметят и спасут.

-- Кто, люди? -- горько спросила Дженни.-- Если бы ты их знал, как я...

-- Я их знаю,-- сказал он.-- Давай-ка я покричу, чтобы нас скорее заметили.

Он истошно замаякал и мяукал долго. По улицам бежали машины, по мосту шли пешеходы; шли они и по набережным и по ближним улицам, но никто не взглянул вверх, на башни, до самой ночи.

К утру, заметно ослабев, Питер погрузился в забытие. Быть может, он спал, не разжимая лап, потому что в крики, и звон, и шум каких-то машин услышал внезапно. Открыв глаза, ов увидел множество людей у самого въезда на мост. Люди эта кишели, как муравьи, и среди них сверкали медью и сталью автомобили, грузовики и пожарные машины.

-- Дженни! Дженни! -- закричал Питер.-- Погляди вниз! Смотри, что творится!

-- Наверное, машины столкнулись...-- проговорила она.

Однако темную толпу усеивали белые пятна лиц: люди глядели вверх. Полицейские расчищали место и ставили лестницы. Что-то зашумело совсем рядом, прямо на кошек вылетел самолетик и покругил около них, а какой-то человек, высунувшись из окошка, чуть не тыкал в них странной коробочкой. Дженни слабо вскрикнула:

-- Ой, что это?

-- Фотографируют для газет,-- ответил Питер.

-- Боже мой, -- сказала Дженни,-- а я так плохо выгляжу!..-- И, с трудом удерживаясь на весу, она попыталась умыться.

Тем временем оказалось, что башни аварийных машин до Питера и Джени не достанут. Пожарные машины выдвинули самую высокую лестницу, и на нее полезли два пожарника. Медные каски и пряжки красиво сверкали на солнце; красив был и карабкавшийся с ними красномордый полисмен в синей форме. Питер вообще себя не помнил от восторга. Правда, полисмен и пожарники окончили путь ярдов двенадцать ниже, чем нужно, и Джени снова впала в отчаяние, но Питер заверил ее, что этим дело не кончится.

И впрямь -- на башни полезли два верхолаза. Толпа ободряла их криками: "Давай, Чарли!", "Том, впереди!", "Эй, Томас, не сдавайся!", "Сейчас ее Чарли схватит!", "Браво, Том!", "Ура, Чарльз!", "Молодцы!".

-- Ах, господи, господи!-- причитала Джени.-- Ничего не могу поделать, буду царапаться!.. Нервы, понимаешь... Тут еще этот самолет... Ф-ф-ф-ф-ф-ф!

Томас, держась на ремне, протянул к ней руки, оторвал ее от насеста, ловко кинул в мешок. Питер крикнул ей: "Держись!", но Чарли уже кидал в мешок его самого.

В мешке было плохо, спускаться страшно, но Питер беспокоился за Джени и перевел дух лишь тогда, когда услышал радостные крики. Том и Чарли вытащили кошек за шкурку. Полисмены и пожарники окружили их, мужчины широко улыбались, женщины умилялись вовсю. Налетели фотографы, но Джени была по-прежнему печальна. Том отвечал репортерам: "Да ничего, только когти выпустила...", а Чарли: "Ну, чего там, ерунда!" Приключение подходило к концу. Пожарники убрали лестницу, и все машины, громыхая, отправились по своим делам. Том и Чарли кончили позировать, выпустили кошек и уехали куда-то на своей машине. Толпа таяла. Кое-кто гладил на ходу Питера или Джени, бросая: "Ну как, полегче стало?", но никто не догадывался покормить их.

Когда мимо них уже проходили те, кто ничего не знал о случившемся, Джени тяжело вздохнула.

-- Что с тобой? -- спросил Питер.-- Разве ты не рада?

-- Мне очень плохо,-- ответила она.-- Господи, что я натворила!

Питер подсел к ней так, чтобы касаться ее боком.

-- Почему ты так грустишь последнее время? -- спросил он.

Джени нервно лизнула себя раза два.

-- Питер,-- сказала она,-- я хочу вернуться к мистеру Гримзу,-- и горько заплакала, уткнувшись в его меховой бок.

Глава 16.

КАК СТРАДАЛА ДЖЕНИ

Джени! -- воскликнул Питер.-- Мы поедem к мистеру Гримзу? Ох, как хорошо!

Джени перестала плакать и еще глубже зарылась мордочкой в мех.

-- Неужели ты не сердишься?..-- проговорила она.

-- Конечно, нет!.. -- ответил он.-- Мне очень нравится мистер Гримз, а главное -- ему без нас плохо.

-- Не надо...-- перебила его Джени.-- Не говори, мне стыдно. Никогда не забуду, как он стоял в дверях и звал нас, и просил...

-- Чего ж ты злилась на него? -- удивился Питер.

-- Я знала, что ты прав,-- ответила Джени.-- Я поступила тогда жестоко, не по-кошачьи. А ты был добрый, и ты был прав... вот я и злилась. Потому я и в Глазго сбежала... Я думала, ты отвлечешься, забудешь... Да что там, я сама надеялась забыть! И не могла!

Джени вынырнула из меха Питера, перевела дыхание и лизнула себе бок.

-- Когда я упала в воду,-- продолжала она,-- я решила, что это мне за грехи. Я страшно испугалась за тебя, и больше я ничего не помню... Но когда я очнулась, и ты меня лизал, и я все узнала, я решила вернуться к мистеру Гримзу, только не решалась тебе сказать. А когда мы застряли наверху, я дала себе слово: останемся живы -- скажу. Люди говорят, у нас, у кошек, девять жизней. Какая чепуха! Спасешься раз, спасешься два, а когда-нибудь и не спасешься. Если бы мы могли добраться до Лондона...

-- Да мы можем! -- вскричал Питер.-- Бежим!

-- Куда? -- спросила Джени.

-- На корабль! Я его видел сверху. Сегодня утром из трубы валил дым. Он вот-вот отчалит.

Дженни глубоко вздохнула от радости.

-- Как хорошо, когда с тобой мужчина! -- сказала она.-- Бежим.

И они побежали, не по-кошачьи, не перебежками, -- а впрямую, понеслись вскачь и подоспели к самому отплытию. Корабль, собственно, уже отчалил, но они взбежали по сходням, меховыми птицами перелетели с разгона несколько ярдов и опустили прямо на грудь судовому плотнику.

-- Вот это да! -- закричал он, падая навзничь.-- Вернулись! -- Питер и Дженни кинулись в камбуз. Кок тут же налил им молока, приговаривая: "Успели? Заголодали? А где билеты, крыски-мышки?" -- и кормил их и кормил, а потом бросил им кость, в которую они вгрызлись с двух сторон.

До самого Лондона они только и делали, что ели и спали. Работы почти не было. Должно быть, кто-то из уцелевших рассказал, какой террор царил на корабле, и мышиная братия решила воздержаться от плавания в столицу.

Глава 17.

КАК УСНУЛ МИСТЕР ГРИМЗ

До самого Лондона кошки говорили о том, как обрадуется мистер Гримз. Питеру казалось, что будет лучше, если они проникнут в дом, когда никого нет, а хозяин вернется и найдет их. Откроет дверь, а они сидят на окнах, он с одной стороны, она -- с другой, под геранью. Мистер Гримз не увидит их, войдя со света, и они замаякают в два голоса. Дженни это понравилось, и они постоянно рассуждали, как будут жить все вместе в маленьком домике.

Питер как-никак был мальчиком, и ему особенно нравилось представлять себе, какие замечательные вещи есть во владениях мистера Гримза -- коробки, ящики, тюки, корзины, мешки бразильского кофе, горы орехов, кипы табака. Домовитую Дженни заботило другое: как устроить все поудобней и поуютней, чтобы мистеру Гримзу лучше жилось, и как приноровиться к его жизни. Когда ты чья-нибудь кошка, объясняла она, мало поймать мышь-другую и съесть, что дадут. Нужно знать, когда хозяин встает, и ложится, и работает, и ленится, чтобы всегда быть у него под рукой; нужно знать, что он больше любит: чтобы терлись об его ноги, сидели у него на коленях или спали с ним вместе, и сам он хочет чесать тебя за ухом, или ждет, пока прыгнешь к нему и замурлычешь.

И вот они бежали к докам. Железные ворота уже заперли, был поздний вечер, но кошки просочились сквозь узорную решетку у самой земли. Дженни вскрикнула:

-- Гляди!.. Нет, вот там!..

Питер взглянул и увидел вдалеке желтую точку огонька.

-- Это у него, -- еле дыша, сказала Дженни.-- Он дома!

Когда они поравнялись с лачужкой, оказалось, что горит верхний свет, лампа без абажура. Из-за домика слышались голоса, словно кто-то спорил, но в окно никого видно не было. Ящики алой герани сторожили у дверей.

-- Это радио, -- сказал Питер.-- Наверное, он ушел, а радио не выключил.

Дженни странно заворчала, и, обернувшись к ней, Питер увидел, что хвост ее увеличился вдвое, а пушистое жабо стоит торчком.

-- Что с тобой? -- крикнул он.

-- Н-не знаю...-- сказала она.-- Ой, Питер, я боюсь!..

-- А я не боюсь, -- отвечал храбрый Питер, хотя не был в этом уверен. -- Пойду-ка я первым.-- И толкнул дверь.

В комнате было чисто прибрано, на столе ничего не стояло, словно у мистера Гримза не было еды. Герани цвели вовсю, цветы наполняли комнату сладким и острым благоуханием.

Когда глаза его привыкли к яркому свету голой лампы, Питер увидел мистера Гримза. Тот уже лег и лежал совсем тихо, выпростав из-под одеяла узловатые руки. Сердце у Питера дрогнуло, он едва не заплакал, ибо никогда не видел такого прекрасного лица.

Питер не знал, долго ли смотрит, но оторваться не мог. Когда радио замолчало, он обернулся к Дженни и сказал так тихо, как говорят над спящим ребенком:

-- Видишь, спит... Мы его удивим. Проснется -- а мы здесь!..

Но Питер был неправ. Мистер Гримз не проснулся.

Всю ночь напролет Дженни, забившись в угол, плакала о том, что старичок не узнает про их возвращение. Питер пытался утешить ее, но она дрожала, и было странно, что мистер Гримз спокоен и радостен, когда ей так плохо.

Лампочка светила, приемник снова ожил в шесть утра, и почти сразу послышались шаги.

-- ...иду я за ключами,-- сказал кто-то,-- а у него свет горит, радио играет...

Десятник и два докера вошли в открытую дверь.

-- Пойдите-ка там! -- сказал десятник.-- Что-то он не того... Эй, Билл! Билли Гримз! Ты чего, захворал?

-- Помер он, бедняга...-- сказал первый докер.

Все трое сняли шапки и нерешительно подошли к кровати, хотя уже не могли обеспокоить хозяина. Десятник обвел печальным взором тихого старика, яркие цветы, полосатую кошку с блестящими глазами и белого кота. Потом он выключил радио и погасил свет.

-- Умер,-- сказал он.-- А были с ним две верные кошки...

Питер даже обрадовался, что Дженни не понимает этих слов. Тем временем десятник бережно прикрыл одеялом плечи и голову мистера Гримза. Один из докеров нагнулся, почесал Питера за ухом и сказал:

-- Вот какое дело, киски... Ну, мы вас пристроим... Билл не хотел бы, чтобы обижали его друзей.

И все трое тихо ушли, а дверь не закрыли.

Дженни плакала, причитала и каялась.

-- Если б не я, он был бы жив...-- говорила она.-- Он жил бы ради нас... А заболел бы, мы бы сидели с ним... или сбегали за помощью...

Конечно, думал Питер, забыть она не забудет, нельзя забывать о своей жестокости, но нельзя же изгрызть себя до смерти. Надо немедленно отвлечь ее, и сделать это может только он.

-- Дженни,-- проговорил он наконец.-- Я хочу домой... На Кэвендиш-сквер.

-- Иди,-- сухо сказала она.-- Я тебя не держу.

-- Как же я пойду без тебя? -- быстро сказал он.-- Я и дороги один не найду. Помоги мне!

Дженни выпрямилась, лизнула себя несколько раз и нетвердо начала:

-- Если я нужна тебе...

-- Очень нужна! -- поспешил он ответить.

-- Тогда я пойду с тобой, куда хочешь,-- закончила она.

И они выскользнули из лачужки. Первым двинулся Питер, Дженни бежала следом.

Глава 18. В ЛОНДОНЕ

Кошкам нелегко пройти через огромный город, а Дженни не видывала Кэвендиш-сквера и не могла бы дойти туда -- усы помогали ей находить лишь те места, где она побывала хоть раз. Но Питер понимал, что говорят люди, и читал надписи на omnibusах. Так добрались они до тех мест, откуда он дорогу найдет.

Но прокормиться и защититься он бы без Дженни не смог. Она рассказала ему по пути, что надо знать о собаках. Собак на поводке и замечать не стоит, сколько бы они ни ярились,-- они потому и злятся, что им стыдно гулять на поводке. Бежать от собак нельзя, потому что видят они плохо, склонны к истерии и погонятся за кем угодно. Если же ты стоишь неподвижно, они часто пройдут мимо, особенно те, кто имел дело с кошками.

-- Те, кто вырос вместе с кошкой,-- поясняла Дженни,-- не лают на нас, просто подходят и обнюхивают, виляя хвостом. У них это означает не

раздражение, а удовольствие. Кто как, а я все же даю им лапой по носу, чтобы знали свое место. А еще можно делать вот что. Смотри!

И она стала раздуваться, не переводя дыхания. Питер попытался сделать то же самое и почувствовал, что превращается в неровный меховой шар. Однако ему было неловко, и он сказал Дженни: "По-моему, это глупо..."

-- Нет, -- отвечала она. -- Это совсем не глупо, это очень мудро. Зачем драться, если можно победить без драки? Чаше всего враг бежит, а не сбежит -- что ж, вреда от этого нет, попытаться стоит, даже с нашими, с кошками. Все мы знаем, что это один мех, а страшно, ничего не поделаешь!..

Питеру припомнился грозный вид распушившегося Демпси.

-- Кроме того, -- завершила Дженни, -- полезно вдохнуть столько воздуха: боевой клич становится просто жутким. Собаки его очень боятся.

Пробираясь на сей раз сквозь Лондон, Питер обнаружил, что кошки очень похожи на людей. Одни были сварливые и придирчивые, как вежливо к ним ни обратишься, другие, приветливые и благодушные, успевали пригласить их к себе прежде, чем Дженни попросит о приюте. Попадались и снобы, не желавшие водиться с беспризорными, и бывшие беспризорные, искренне жалевшие собратьев. Кто-то просто лез в драку, но многие кошки, жившие при магазине или при кафе, радушно угощали чем могли.

Не только от Дженни, но и на собственном опыте Питер научился остерегаться детей, особенно тех, кто слишком мал, или тех, кто склонен к жестокости.

Один мальчик ласково поманил его и, прежде чем Дженни успела вмешаться, побежал на зов, припоминая, как самого его тянуло к уличным кошкам. Ожидая, что сейчас его почешут за ухом, он подставил голову, но тут же ощутил острую боль, заорал и понял, что мальчик со всех сил дернул его за хвост.

Питер вырвался с диким криком, не сомневаясь, что хвоста у него больше нет. Только в конце квартала он решился посмотреть. Тогда же он понял, что кошек очень легко обидеть, и они боятся унижения больше, чем боли.

К счастью, Дженни это знала и не стала утешать его. Очень нескоро, когда боль и обида затихли, она обернулась к нему и заметила:

-- Наверное, дождь пойдет... Как по-твоему?

Глава 19. НА КЭВЕНДИШ-СКВЭР

Когда они добежали до места, Питер чуть не кинулся к своему дому, но Дженни удержала его.

-- Помни, -- сказала она, -- мы тут чужие. Иди за мной потихоньку. Настроимся как следует и разберемся, что к чему. Другая кошка что-нибудь подумает, а ты это сразу почувствуешь усиками, точнее -- вибриссами, волосками, которые торчат и на месте бровей и в других местах. Подумаешь что-нибудь в ответ -- поймут тебя. Действует это лишь на малых расстояниях, надо подойти почти вплотную.

Первая кошка сидела на окне дома 2а. Собственно, то был кот, знакомый Питеру черный кот, принадлежащий здешнему сторожу. Вдруг Питер понял, что кот сообщает ему сквозь стекло, не пропускающее звуков: "Меня зовут мистер Блейк. Здесь я самый главный. Вы бродячие кошки или просто из другого квартала?"

Дженни вежливо и беззвучно ответила:

-- Бродячие, сэр.

-- Мимо идете или задержитесь? -- радировал мистер Блейк.

Питер не выдержал и, нарушая прежние просьбы своей подруги, послал сообщение:

-- Я Питер Браун, из дома номер один.

Мистер Блейк прервал его:

-- Питер Браун? Странно... У Браунов кошек нет. У них был мальчик, но пропал.

Тут вмешалась сообразительная Дженни:

-- Это он играет, сэр, фантазирует. Он у нас большой выдумщик!..
-- Да?..-- протянул мистер Блейк.-- Что ж, мы не звери, только слишком много развелось бродячих кошек... Все же можете остаться у нас. Почти все живут в доме э 38, он пустой. Скажите, что я разрешил. Только не нарушайте наших правил, а то выгоним! Главное, не шумите, наши люди этого не любят и жалуются моему хозяину, а он, надо вам сказать, владеет всеми здешними садами. У нас тут тихо, прилично. Вон там живут две старые девы, они дадут молока, если пожалобней мяукать. Как вас зовут?

-- Дженни Макмурр,-- представилась Дженни.-- Я наполовину шотландка... А друг мой и вправду Питер. Он...

-- Так, так,-- прервал ее черный кот.-- Что ж, идите...-- И принялся озабоченно мыться.

-- Вот видишь! -- со спокойным удовлетворением сказала Дженни, когда они медленно двинулись дальше.-- Теперь мы знаем, что у нас есть пристанище. Приветствую вас, дорогие мои!..

Фраза эта предназначалась двум серым кошкам с замысловатым узором, сидевшим на окне дома э 5. Как и тогда, когда Питер глядел на них, гуляя с няней, они следили взглядом за всеми, кто проходил мимо.

-- Ф-ф-ф!.. Поистине не знаешь, с кем придется рядом жить!..

-- Подумать, уличные кошки!

-- Всего вам хорошего,-- вежливо передала Дженни, а немного отойдя, добавила: -- Дуры и воображалы.

Из окна э 5 донеслись волны сердитого урчания.

-- Приветствую вас!-- сказал Питер зеленоглазой рыжей кошке, сидевшей у решетки дома э 11. Эту кошку он всегда гладил. Сейчас они коснулись друг друга носами.

-- Прекрасно сказано, юноша,-- одобрила кошка.-- Я рада, что хоть у кого-то сохранились хорошие манеры.

Дженни назвала их имена, лопааясь от гордости за Питера.

-- Макмурр?-- повторила кошка. -- Звучит по-шотландски... С виду ты очень хорошей породы... Самая такая смесь, ничего не разберешь... Устройтесь, приходите ко мне, посудачим...

-- Вот видишь!.. -- снова сказала Дженни -- Замечательная кошка!.. Надо будет подольше с ней поговорить...

Они пошли дальше и увидели в окне дома э 18 черепаховую кошку.

-- Подождите,-- попросила она.-- Мне так скучно! У моих хозяев нет детей...

-- Ах ты, господи!.. -- посочувствовала Дженни.-- Наверное, это очень тяжело...

-- Да,-- сказала кошка,-- вы уж мне поверьте. Сплю я в корзине с голубым бантом, на подушке, у меня целый шкаф игрушек и мячиков, а меня от этого просто мутит... Мне бы вырваться на минутку, сбегать в пустой дом...

-- Вот видишь,-- сказала Дженни, попрощавшись с нею.-- И домашним кошкам не все молочко да печенка...

Дальше они увидели розовую персиянку, которая говорила только о выставках и наградах, и пушистого серого кота, заверившего их, что лучше жить у холостяков, и трех полосатых кошек, которые сказали, что, если смиришься с некоторыми запретами, лучше всего и спокойней жить у старых дев.

Питер и Дженни обошли всю площадь, перезнакомились со всеми домашними кошками и только после этого свернули в тупичок. Сам тому удивляясь, Питер не торопился, он даже остановился ненадолго и сказал:

-- Дженни, вот наш дом.

Глава 20. ВСТРЕЧА

-- Вон тот,-- пояснил он,-- маленький. Дом и вправду был очень мал, в два этажа, и лепился к другому, большому. Однако он был красив, а над черной дверью, окаймленной светлым деревом, обычно висела сверкающая медная

табличка. Но сейчас еще с угла Питер увидел, что таблички больше нет, а на окнах гостиной нет занавесок. Больше того, в уголку окна белело маленькое объявление, сообщавшее, что домик сдается.

Питер сел перед дверью и часто заморгал, чтобы скрыть слезы. Он знал, что сейчас его не утешит и умывание. Ему так хотелось показать Дженни, какая красивая у него мама, а маме и папе -- как сам он ловок, не то что прежде, когда няня переводила его за ручку через улицу.

Дженни подсела к нему и сказала:

-- Ох, Питер, люди всегда так!.. Уходят, бросают нас...

Она сама чуть не заплакала, но сдержалась, и принялась умывать его так нежно, что Питер разрыдался. Ему стало невыносимо больно, что он напомнил ей о ее беде, он принялся умывать ее, и тогда разрыдалась она. Так нарушили они повеление мистера Блейка: жалобное и громкое мяуканье потревожило местных жителей. В большом доме открылось окно.

-- Не надо, киски!..-- сказал кто-то.-- Идите отсюда, не могу...

Из окна высунулась хорошенькая девушка, длинные каштановые волосы свесились вниз. Это увидел сквозь слезы Питер; но Дженни увидела что-то другое и вздрогнула, словно то был призрак. Потом она застыла с поднятой лапкой, глядя вверх.

Глаза у девушки округлились, засветились, и она закричала:

-- Дженни! Дорогая моя! Подожди! Не уходи, я сейчас...

Головка исчезла, по лестнице простучали шаги, дверь распахнулась, девушка схватила кошку и стала ее целовать, громко причитая:

-- Дженни, Дженни!.. Это ты!.. Я тебя нашла... Нет, это ты меня нашла... Какая ты умная... Дорогая моя, дорогая, миленькая...

Дженни обвилась вокруг ее шеи живой горжеткой и замурлыкала громче самолета. В доме открывались окна, Бетси кричала кому-то:

-- Мама, мама! Дженни ко мне вернулась! Она меня нашла! Иди сюда, посмотри!..

Высокая женщина спустилась вниз. Питер снова вспомнил свою маму, и сердце у него сжалось. Из окон глядели люди, и Бетси им кричала, как Дженни потерялась три года назад, а теперь нашлась. Питер слушал ее, и боль его сменялась радостью. Насколько он понял, дело было так: пока здесь кончали ремонт, семья жила в гостинице. В то самое утро, когда они должны были въехать в квартиру и собирались пойти за Дженни, Бетси тяжело заболела, ее увезли в больницу, а мать была при ней. Когда же опасность миновала, Дженни в покинутом доме не нашли.

Питер стал переводить это Дженни, но рассказ не произвел на нее особого впечатления.

-- Мне все равно,-- сказала она.-- Главное, что мы с ней вместе. Понимаешь, я могу простить ей что угодно...

Питера удивила такая поистине женская точка зрения, и на секунду кольнуло предчувствие одиночества, но он подавил его, не желая думать ни о чем, кроме счастья своей подруги. И тут Дженни сказала ему:

-- Нам будет хорошо, они тебя любят...

Однако ни Бетси, ни ее мама его не замечали. Когда первое волнение улеглось и девочка пошла в дом, Питер двинулся за нею, но мать ее, увидев большого белого кота, мягко подтолкнула его обратно и произнесла:

-- Нет, нет, ты уж прости... Мы не можем взять всех кошек. Беги домой!

И, как тогда, вначале, дверь захлопнулась, а Питер остался один на улице. Правда, на сей раз из-за двери донесся крик: "Питер, Питер!..",-- и вслед за ним потекли волны Дженниных мыслей: "Не уходи, подожди! Иди в дом 38 и жди меня. Они не понимают про нас. Главное, не беспокойся".

Глава 21. ДЖЕННИ ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ

Воробьи щебетали в кустах и прыгали по дорожкам. Гудели клаксонами такси. С Оксфорд-стрит доносился уличный шум. День склонялся к вечеру, но

солнце еще сияло, воздух был теплым и мягким. В Лондоне царила весна, но не для Питера.

Он думал о том, как хорошо Дженни у ее любимой хозяйки. Теперь ей не надо заботиться ни о еде, ни о ночлеге, а ему, Питеру, лучше исчезнуть из ее жизни. Тогда она не будет беспокоиться о нем.

Чем больше он об этом думал, тем прочнее становилось его решение. В сущности, только убеги с Кэвендиш-сквера, и город поглотит тебя навсегда. Дженни потоскует, но скоро забудет тебя: ей ведь так хорошо с Бетси. Забыла же его мама...

Конечно, он боялся одиночества, но ему очень нравилось, что он так благородно поступит. Он и поступил бы, но ведь Дженни просила его встретиться с нею. Еще в самом раннем детстве он прочно запомнил, как тяжело и обидно, когда тебя обманут. Мама обещала ему провести с ним весь день рождения, а куда-то ушла. Сейчас он это вспомнил, и ему стало так больно, что он встряхнулся, пытаясь отогнать боль. А потом, спасаясь от соблазна, пошел к дому э 38.

Там его ждала Дженни.

Вокруг лежали и сидели самые разные кошки, однако, не глядя на них, Питер кинулся к подружке и целовал ее, тронул ей носиком носик. Он начал было умывать ее, но она сказала, избегая чувствительной сцены:

-- Познакомься с кошками. Это Гектор, он жил когда-то у шахтера и ходил с ним в шахту.

Рыжеватый кот с печальным взором обрадовался и оживился, а Питер, поздоровавшись с ним, оглядел кошачье пристанище. Кошки сидели и на полу и на лестнице, откуда глядели вниз зелеными и желтыми глазами. Еще лучше устроились те, кто сидел внизу, -- обломки перегородок создавали как бы маленькие комнатки, и каждый мог забиться в свой угол. Для бродячих кошек это очень важно.

-- А это Микки, -- представила следующего кота Дженни. -- Его выбросили на улицу маленьким котенком. Он и не знает, что такое семья. Зато город он знает лучше всех.

Огромный тигровый кот с квадратной головой слегка поклонился.

Какая она молодец, подумал Питер, знает, что кому сказать, чем кого обрадовать.

-- Вот Негритяночка. -- И Дженни подвела его к худой, черной кошке. -- Красивая, правда? Ни одного белого пятнышка, ни волоска. Это редко бывает. Ее хозяйка умерла, и вот уже восемь лет она одна. Тяжело ей пришлось...

Негритяночка высунула розовый язык и быстро лизнула себя раз-другой.

-- А вот он, -- представила Джейни пышноусото кота, похожего на Деда Мороза, -- жил в лавке у мясника, и в гостинице, и в доме, но мясник разорился, дом развалился, гостиница сторела. Сам знаешь, как суеверны люди, особенно с нами, с кошками. Пошли служи, и никто, ну никто его не берет.

-- А это сестры Пуцци и Муцци, -- продолжала Джейни. -- Их привезли из Вены. Хозяева уехали обратно, никто их не взял. И как они тут прижились, ума не приложу...

Сестры скромно замурлыкали.

Таким образом Питер перезнакомился со всеми, в том числе с домашним котом, который иногда убегал сюда проветриться. Кошки были просто очарованы его подружкой и уступили им самое уютное местечко. Еды было вдоволь, каждый что-нибудь принес. Микки раздобыл кость, Гектор -- довольно свежую мышь; Дед Мороз -- рыблю голову, а сестры извлекли из ближней помойки скорлупу от омара.

После ужина все умылись, а потом одни улеглись, другие вышли на промысел. Пробыло одиннадцать, и Питер загрустил. Чтобы не томиться слишком долго, он сам сказал:

-- Дженни, тебе пора!

Она не ответила, только подняла голову, и он увидел в лунном свете ее блестящие глаза и ярко-белую манишку.

-- Питер, -- сказала она наконец, -- я останусь с тобой, если ты не возражаешь...

-- А как же твоя хозяйка? -- спросил он. -- Неужели кому-то из нас непременно нужно страдать?

Глаза у Дженни заблестели еще ярче, она отвернулась, улылась и тихо сказала:

-- Бетси уже не девочка, Питер. Ей скоро пятнадцать лет. Она немного поплачет и забудет... А главное, ей важно, что я вернулась... Да, -- повторила она, и Питера испугала ее мудрость, -- больше всего она боялась, что я ей не верю. Так и было, пока не явился ты и не показал мне, какие вы, люди... Ладно, хватит об этом. Мы с тобой вместе, вот и все.

Питер вздохнул от счастья. Они легли рядом, свернулись клубком и крепко заснули.

Глава 22. ЛУЛУ, А ДЛЯ БЛИЗКИХ -- РЫБКА

Наутро Питер проснулся и увидел, что Дженни лежит, прикрывая лапой глаза от яркого солнца. Питер решил пойти на промысел, чтобы Дженни, проснувшись, обнаружила что-нибудь вкусное.

Ступая помягче, он прошел мимо Пуцци и Муцци и выскользнул на площадь в то самое время, когда начали бить часы.

Одновременно с последним, девятым ударом Питер услышал ни на что не похожий голос:

-- Ах, откуда вы взялись?..

Он вздрогнул, обернулся и увидел удивительную кошку. Она была маленькая, меньше Дженни, на редкость изящная и гибкая, а цветом походила на дымчатый жемчуг: нет, шкурка ее отливала кремовым, скорее то был кофе, сильно разбавленный молоком. Нос у нее был черный, голова -- кофейная, ушки -- шоколадные, лапки и хвостик -- черные, как нос. А глаза синие и несказанно прекрасные. Не фиалковые, и не сапфировые, и не цвета морской волны, и не цвета небес -- синее всего, что есть на свете, сама синева во всей своей красе. Дивное видение так поразило его, что он не мог двинуться с места.

Чары сняла сама кошка -- она сделала три шажка вперед, три шажка назад, распушила хвост и проворковала:

-- Ах, добрый вечер! Я знаю, сейчас утро, но что мне за дело!..

Очарованный Питер пробормотал:

-- Добрый вечер, мисс...

Кошка подпрыгнула в воздух и сказала:

-- Какой смешной!.. Меня зовут Лулу, а для близких я -- Рыбка. Понимаешь, я очень люблю рыбу... Вот, понюхай сам... -- И она подышала ему в мордочку. Рыбой и впрямь запахло, и Питеру это понравилось, быть может, потому, что он все же стал котом.

-- Меня зовут Питер, -- сказал он и улыбнулся, но продолжать не смог, ибо Лулу закричала: -- Мя-а-у! -- и кинулась куда-то. Наигравшись вдоволь, она присела рядом с Питером и спросила:

-- Любишь ты чай? А кофе? Я обожаю маслины! В будущий четверг была дивная погода!

Питер растерянно думал, что ответить, но она закричала:

-- Ах, не отвечай! Давай попляшем! Вверх, вниз, вбок, кругом и бе-гом!..

Питер опомниться не успел, как закружился вместе с нею, и прыгал, и бегал, и веселился вовсю, пока Лулу не повалилась на бок и не сказала, сверкая синими глазами:

-- Конечно, ты понял, что я из Сиама. Отец мой король, мать -- королева, сама я принцесса. Ты польщен? -- И снова не успел он кивнуть, как она вскочила и стала прохаживаться взад-вперед. Наконец она взглянула через плечо и спросила:

-- Идем?

-- Куда? -- спросил Питер, послушно семеня за ней.

-- Ах!.. -- воскликнула она и подпрыгнула еще раз. -- Откуда же мне знать? Придем -- увидим...

Идти с ней было непросто, хотя и дивно хорошо. То она прыгала через ограды, плотно прижав ушки, то останавливалась, чтобы оплакать свою судьбу.

Разбередив Питеру сердце, она дождалась робкой просьбы:

-- Лулу, расскажи мне про Сиам... Тебе будет легче...

-- Кому, мне? -- мило взвизгнула Лулу.-- Да я в Лондоне родилась! Это самое лучшее место в мире! Родословная у нас длинней хвоста! А у тебя? -- и не дождавшись ответа, она шепнула: -- Хозяева мои ужасно богаты...-- И снова запрыгала, заплясала, мяукая вовсю и заливаясь хохотом.

Много раз останавливались они, пока не добрались до какой-то лужайки, откуда взору открывался весь Лондон: и улицы, и дома, и шпили, и серебро реки, и тысячи каминных труб, а вдалеке, за серыми рядами домов, зеленые пятна парков и скверов. Еще дальше все сливалось в голубую дымку.

-- Мы в парке Хэмстед-хит,-- возвестила удивительная кошка.-- Я часто прихожу сюда помечтать...-- Она упала на траву закрыла глаза и несколько секунд не говорила ни слова.-- Ну вот! Помечтала, и хватит. Куда теперь идем?

-- Поздно уже,-- несмело сказал Питер.-- Может, вернемся? Хозяева твои волнуются...

-- Еще бы! -- воскликнула она.-- С ума сходят! Иногда я три дня не прихожу, чтобы их помучить... О, слушай, там что-то играют!

Действительно, где-то играла музыка и слышался шум карусели. Они побежали на звуки. "Ах, я никогда не видела аттракционов!" -- восклицала Лулу. Питер их видел еще мальчиком, но тогда его водили за руку. Совсем другое дело -- бегать здесь одному, то есть с такой красавицей!

Лулу сразу кинулась на разноцветные шарики, ударила лапой по самому красивому, и он лопнул с оглушительным треском, а она перепугалась и заметалась на месте. Рассердилась она почему-то на Питера и стала его ругать за то, что это он порвал шарик, ей назло. Вконец завороженный, Питер стерпел и это, хотя прежде ничто не ранило его сильнее, чем несправедливый упрек.

Отвлекло Лулу мороженое -- она мгновенно смягчилась, заулыбалась, заурчала: "Покор-рми меня мор-роженным..." -- и быстро добавила: "Вообще-то я его часто ем, мы ужасно богаты".

Они подлезли сзади под полу шатра -- сперва он сам, потом она -- и принялись подлизывать все, что падало на пол. Вернее, подлизывала Лулу, а Питер ждал, пока она перепробует все сорта, какие только есть. Длилось это долго, и Питер просто видел, как расширяются у Лулу бока.

Если бы он вспомнил про Дженни, он бы удивился, что Лулу не делится с ним, но, как это ни печально, он о Дженни не вспоминал с самого начала прогулки. Лулу тем временем пухла на глазах. Наконец, глубоко вздохнув, она проговорила:

-- Ах, больше не могу...

Именно в эту минуту вниз упал кусок прекрасного мороженого, но Питер не посмел задержаться и побежал за ней. Однако, отбежав немного, сиамская красавица свалилась на траву и заснула, положив обе лапки ему на мордочку. Он терпел, терпел, потом пошевелился было, но она открыла глаза, крикнула: "Мне так мягче!" -- и положила лапки ему чуть не в уши. Заснул и Питер, но часто просыпался.

Лулу проснулась поздно и заныла:

-- Я уста-а-ла... Идем куда-нибудь... Ты что, дождя не любишь?

День был серый, моросил дождик, и Питер честно ответил:

-- Знаешь, к мокрому меху все липнет...

-- Очень жаль,-- прервала его Лулу.-- Люблю дождь. Кошки его не любят, но я -- другое дело... И в дождь у меня глаза ярче.

Они пошли гулять, и на улице их застиг настоящий ливень. Питер промок насквозь, но терпел: глаза у Лулу и впрямь стали ярче, дело того стоило.

К полудню выглянуло солнце. Они в это время пересекали парк и поиграли там немного. К закату они достигли еще какого-то парка. Питер очень устал и проголодался, но Лулу восхищалась природой и все не могла остановиться перекусить.

Засверкали звезды, вышел месяц. На Лулу он оказал самое сильное действие: она взлетала на деревья, мелькая кремовой полоской в серебристом свете. Питеру приходилось носить вместе с ней. Когда он совсем замучился, Лулу закричала:

-- Ах, взбежим по лунному лучу!

Взбежать по лучу ей не удалось, и она свалилась у дерева. Питер лег было рядом, но она вскочила и сказала:

-- Лунный свет наводит на меня печаль!.. Давай я тебе спю...
Однако сон сморил ее. Пробормотав: "Стереги меня...",-- она легла на бок и засопела. Питер глядел на нее, умиляясь ее изяществу в ее доверчивости, пока и сам не заснул.
Месяц нырнул за деревья, а там и солнце показалось и разбудило Лулу. Она потянулась, поморгала, изящно лизнула себе лапку и вдруг села прямо, глядя на Питера так, словно никогда в жизни не видела его.
-- Куда вы меня завели? -- спросила она, и Питеру показалось, что она вотвот проведет лапой по лбу.
-- Мне кажется...-- несмело начал Питер, но Лулу с легким криком отскочила от него.
-- Ах! -- воскликнула она.-- Как же это? Я ничего не помню... Меня, должно быть, опоили... Какой сейчас день?
-- Наверное, четверг или пятница...-- сказал Питер.
-- Что вы наделали!-- совсем разволновалась Лулу.-- О, мои бедные хозяйева!.. Они совсем извелись...
-- Но вы же сами...-- забормотал удивленный Питер.-- Вы говорили, что хотите их помучить...
-- Что? -- возмутилась она -- Какая наглость!.. Завести меня в такую даль, обкормить мороженым и потом... говорить... Хватит. Я иду домой.
-- Лулу! -- взмолился Питер.-- Не уходите, останьтесь со мной... Я каждый день буду кормить вас мороженым и умыть вас!
-- Как вы смеете?! -- завопила Лулу.-- Скажите спасибо, что я не зову полисмена! Все моя доброта... Многие считают меня святой... Словом, я иду к себе и в провожатых не нуждаюсь.
И она скрылась среди деревьев. Больше он ее не видел.

Глава 23. СПЛЕТНИ И ПОИСКИ

Когда темный хвостик исчез в кустах, раненный в сердце Питер побежал через парк к одинаковым серым домам, но на улице уже не было и следа его вероломной подруги. Она не подождала, не передумала -- она и впрямь покинула его.

Тогда, внезапно очнувшись, Питер вспомнил про Дженни, и ему стало страшно.

Он представил себе, как она проснулась, не нашла его рядом. Не умываясь и не завтракая, он побежал рысцей на юго-запад, чувствуя, что Кэвендишсквэр именно там.

Бежал он весь день, истоптал лапы, но, достигнув цели, припустил к дому 38. Сердце у него страшно билось. Он вбежал в подвал, отлянулся и не узнал никого. В их закутке сидел большой сердитый кот. Завидев Питера, он грозно зарычал.

-- Простите меня,-- сказал Питер,-- я ищу одну кошку... Это было наше место...

-- А теперь не ваше,-- оборвал его кот.

-- Я понимаю,-- продолжал Питер.-- Я просто ее ищу. Вы ее часом не видели? Дженни Макмурр...

-- Не слышал! -- ответил кот.-- Я тут со вчерашнего дня.

Питеру становилось все хуже. Ни одна кошка не слышала про Дженни, и ему уже казалось, что он отсутствовал не трое суток, а три года или три века.

Когда это чувство стало особенно нестерпимым, в дом скользнули две кошки, и, хотя было полутемно, он сразу узнал их.

-- Пуцци, Муцци! -- воскликнул он.-- Как хорошо! Это я, Питер!

Они остановились и переглянулись. Потом Пуцци холодно сказала:

-- Ах, вы пришли?..

-- Да,-- не унимался он.-- Я ищу Дженни. Вы не могли бы сказать, где она?

Они переглянулись снова, и Муцци ответила:

-- Нет, не могли бы.

Питеру стало совсем страшно.

-- Почему? -- спросил он.

-- Потому, -- отвечали они хором, -- что мы вас видели!..

-- Меня? -- не понял он.

-- Вас и эту... иностранку. -- И обе высоко задрали носы, что было удивительно, ибо ни Пуцци, ни Муцци не могли похвастаться английским происхождением. -- Мы сразу сообщили все Дженни.

-- Ну, зачем это вы! -- вскричал он. -- А что она сказала?

-- Она не поверила, -- признались сестры.

-- А эта ваша... -- оживилась Пуцци. -- Тут ее знают как облупленную. Нет, только мужчина может быть таким дураком. Наутро Дженни ушла: значит, поняла, что мы правы.

-- Вероятно, вы ее ищете? -- спросила ехидно Муцци.

-- Да, -- сказал Питер, не заботясь о том, что эти праведные сплетницы видят его горе.

-- Что ж, -- пропели они дуэтом, -- вы ее не найдете. -- И отвернулись, высоко задрав хвосты, подрагивающие от гнева.

А он уселся под окном у Бетси и просидел там всю ночь. В окнах загорались и гасли огни, однажды он увидел каштановую головку в желтом сиянии света, но волосы не сливались с кошачьим мехом -- Дженни на плече не было. Потом все огни потемнели. Когда гореть остался лишь уличный фонарь, Питер стал нежно звать подругу, но не услышал в ответ ни звука и не принял ни одной волны. Наконец кто-то крикнул "Брысь!" и хлопнул рамой.

Больше взывать он не смел, тем более что вспомнил запреты все сильного мистера Блейка. Но с места не ушел на тот случай, если Дженни молчит, к утру смилостивится.

Пришел молочник, небо на востоке посерело, потом стало перламутровым, и наконец утро началось. Но жители здешних домов просыпались позже, чем солнце.

Когда вышли Бетси и ее мама, Питер кинулся к ним, взывая:

-- Бетси, Бетси! Где же она? Я ее обидел, я ее ищу...

Но Бетси ничего не поняла, она просто увидела, что крупный белый кот, истошно мяукая, несется к ней. Он ей что-то напомнил, она приостановилась, но не узнала его и пошла дальше. А Питер услышал, как она говорит матери:

-- Мама, ты думаешь, она вернется?

-- Бетси, -- сказала мать, -- уверена ли ты, что это она?

-- Что ты!.. -- воскликнула Бетси. -- Другой такой кошки нет на свете!..

Сердце у Питера мучительно сжалось. Да, другой такой кошки нет, а он ее потерял.

Больше здесь делать было нечего. Он понял, что Дженни покинула эти места, и отправился через город, к докам. Думал он только о Дженни и не замечал, каким бывалым уличным котом стал за это время. Теперь его не пугали ни шум, ни люди: опасностей он избегал инстинктивно, мог исчезнуть и безошибочно угадывал, где спрятаться. А мысли его были заняты другим -- он принимал за Дженни каждую кошку.

То он решал, что пропустил, не узнал ее, то ему казалось, что надо завернуть за угол и застать ее врасплох. Он совсем измучился, он ведь не ел, не пил, не умывался, и мех его утратил свой лоск и даже белизну.

День сменялся ночью, ночь сменялась днем; он плохо это замечал, спал мало, где придется и видел лишь улыбку Дженни, ее заботливый взгляд, ее ловкие движения. Все умиляло его, даже ее смешная гордость, когда она говорила о своих предках.

Добравшись до лондонских доков, он побежал туда, где могла стоять "Графиня Гринок". Действительно, она была в порту. На палубе сидел черный кот и пел печальную песню. Завидев Питера, он крикнул:

-- Эй, котяга! Где ж ты был? Где твоя девица? Ее тут не было... Шли бы оба к нам, у нас мышки-крыски развелись...

Питер глядел на него, онемев от горя. Негр его понял. Он встал, покачал головой и сказал:

-- Не гляди на меня, кот! Сказано тебе, я ее не видел. Может, придет еще... А ты поработай пока, чего там! Ну, как? Исхудал ты...

Но Питер кинулся прочь, ничего не видя от слез. Он не знал, куда бежит,

и не думал об этом. Он бежал, бежал, бежал и нигде не останавливался. Вдруг у какой-то дырки он остановился. Он почему-то понял, что туда непременно надо нырнуть.

В темноте ему стали мерещиться оконце под потолком, складки желтого шелка, овальный медальон. Питер полз по трубе, и видел маленькую корону под буквой "N". Чтобы удержать эти видения, ему хотелось остановиться, но что-то гнало его вперед. У входа в комнату он снова остановился и одним прыжком прыгнул на кровать.

-- Дженни! -- кричал он. -- Дженни, Дженни!.. Неужели я нашел тебя?..

-- Здравствуй, -- сказала Дженни. -- Я тебе рада. Я долго тебя ждала.

Она поднялась, тронула носиком его нос и тогда уж закричала:

-- Господи, какой ты тощий! Поешь скорей!.. Сейчас...

Спрыгнув на пол, она подтащила к кровати хорошую мышь. Глаза ее светились гордостью, когда Питер, осторожно сойдя на пол, не спеша съел половину и остановился.

-- Нет, -- сказала она. -- Ешь, я сыта.

Когда он начал умываться, она сказала:

-- Ты устал. Дай-ка лучше я!..

Питер лег на бок, закрыл глаза, и шершавый язычок стал заботливо смывать с него усталость, грязь и вину.

Глава 24. ДЖЕННИ, ВЫЙДИ КО МНЕ!

И так -- ну, почти так -- словно ничего не случилось, Питер и Дженни стали жить на мебельном складе.

Не упоминая о том, почему оба убежала, Дженни рассказала, что сразу направилась сюда и с удивлением увидела всю мебель на прежнем месте. Вероятно, ее забирали на выставку. У Питера хватило чутья и мудрости промолчать: пусть не знает, что он забыл об этом складе, и неизвестно почему нырнул в отверстие трубы.

Зато он передал ей слова Бетси и изобразил черного кота, а Дженни ахала и смеялась.

И все же что-то ее заботило. Иногда ни с того ни с сего она два-три раза лизала его, а потом смотрела с любовью и печалью. Что-то тревожило ее, но Питер никак не мог угадать, что это такое. Ведь не всегда решишься спросить другого, о чем тот думает.

Однажды Дженни куда-то отлучилась и пришла совсем расстроенная. Ласково поздоровавшись с ним, она забилась в угол кровати, поджала передние лапки и уставилась в стену. Питер знал, что именно так сидят и смотрят кошки, когда им не по себе.

Больше выдержать он не мог. Он подошел к ней, лизнул ее, ощутив соленый вкус, и сказал:

-- Дженни, что с тобой? Скажи мне... Может, я помогу...

Дженни долго плакала и не отвечала. Потом она встряхнулась, лизнула себе спинку и бока и повернулась к Питеру.

-- Не обижайся, -- сказала она. -- Я должна тебя бросить.

Питер ощутил такую боль в сердце, словно туда всадили нож.

-- Зачем? -- спросил он. -- Если ты уходишь, я уйду с тобой.

-- Нет, -- ответила Дженни. -- Меня уводит Демпси.

Питер не сразу понял, о ком она говорит; а когда понял, страшно зарычал, и хвост его заметался из стороны в сторону. Он ясно увидел огромного наглого кота, угрожавшего ему когда-то. Но при чем тут Дженни?

Тем временем она продолжала:

-- Такой у нас закон. Когда тебя зовет кот, ты должна с ним идти. Теперь Демпси сказал, что больше ждать не хочет.

-- Неужели ты хочешь с ним уйти? -- спросил он.

-- Что ты! -- вскричала она. -- Я его ненавижу!.. Я его молила и просила меня отпустить. Он не соглашается.

Питер почувствовал, что она что-то скрывает. Он знал почти все кошачьи законы, они казались ему хорошими, умными и понятными. И он спросил:

-- Что я могу сделать, чтобы ты осталась со мной? Если ты не скажешь, я спрошу Демпси.

И Дженни поняла, что он уже взрослый.

-- Ты можешь сразиться с ним,-- сказала она и снова заплакала.

-- Что ж,-- сказал Питер.-- Ты научила меня сражаться.

Но Дженни все плакала.

-- Понимаешь,-- проговорила она в конце концов.-- Ты должен убить его, а он такой огромный и сильный... Если он тебя убьет, я умру. Лучше мне с ним уйти.

-- Я тоже сильный,-- сказал Питер.

-- Конечно,-- подхватила Дженни,-- но у тебя есть тайна... ты не кот... Наверное, потому я тебя и люблю... А он кот из котов, он знает всякие подлые приемы... Не надо, не иди!.. Ты меня забудешь, все пройдет...

-- Нет,-- сказал Питер.-- Я тебя не пушу. Я сражусь за тебя, как велит закон, и убью Демпси. Я его не боюсь.

Сам он не вполне в это верил, во Дженни воскликнула:

-- Я знаю!.. Ты ничего не боишься!.. Как хорошо, когда есть защита...

И от этих слов Питер стал спокоен.

-- Ну, Питер,-- сказала она совсем другим тоном,-- я могу тебе помочь только одним. Давай тренироваться. У нас еще три дня. Потом он позовет меня ночью, с улицы.

-- А выйду я,-- сказал Питер.

-- Помни,-- снова начала Дженни,-- он не будет биться честно.

-- Знаю,-- сказал Питер.-- А я буду.

Дженни глубоко вздохнула. Все-таки она не совсем понимала людей.

-- Что ж,-- сказала она,-- давай тренироваться.

Так начались страшные дни. Питер учился защищать себя и убивать другого. Когда он увидел в первый раз красную полоску на белой манишке, он чуть не отказался от своего замысла и горько плакал. Но Дженни была тверда. Она не давала пощады ни ему, ни себе, и они бились целый день, а ночью на императорском ложе зализывали друг другу раны.

На третий день занятий не было, и Дженни не позволила Питеру есть. Он спал до вечера, она его грела, а иногда вылизывала всего, целиком. Уже совсем стемнело, когда Питер вскочил. Голова у него была ясная, он ощущал свою силу. Скорее чутье, чем зрение, подсказало ему, что Дженни рядом. Не оборачиваясь к ней, он обратился в слух.

Тогда и услышал он приглушенный голос и узнал его.

-- Дженни, выйди ко мне... ко мя-я-у!..

Питер глухо зарычал и пополз к отверстию. Дженни что-то причитала ему вслед, а он, весь подобрившись, полз на брюхе туда, откуда слышался истошный крик.

Уже рассвело, когда Дженни прыгнула наконец с кровати и закричала:

-- Питер, Питер! Что он с тобой сделал?

Питер сказал ей:

-- Я его убил. Кажется, и он меня убил. Прощай.

Она лизала его и поливала слезами. Он сказал еще:

-- Где ты, Дженни? Я тебя не вижу...

-- Питер, Питер! -- взывала она.-- Не оставляй меня, не надо.

Глава 25. КАК ЭТО ВСЕ КОНЧИЛОСЬ

-- Питер, Питер,-- слышал он сквозь тьму -- Не оставляй меня, не надо...

Ему было бы легче уплыть туда, где нет ни боли, ни битвы, ни бездомных

ночей. Он очень устал. Но голос не отпускал его:

-- Питер... Питер... вернись ко мне!..

На секунду он увидел белый потолок и какие-то лица. Он закрыл глаза. Свет был слишком ярким, а когда он снова открыл их, он увидел почему-то не Дженни, а маму.

-- Питер, Питер!..-- зывал все тот же голос.-- Ты меня узнал?

Он узнал ее, но как же она его узнала?

В глазах, глядевших на него, отражались толстые белые лапы и белая голова. Кто принес его домой, почему плачет мама над чужим котом? Сердце у него упало: где Дженни? Почему ее не принесли? А может быть, мама мерещится ему, и сейчас он увидит Дженни?.. Слезы -- ее ли, мамины ли -- падали ему на щеки; и он опять закрыл глаза.

Тогда с ним случилась странная вещь. Серая светящаяся мгла была пропитана Дженни, нет, просто была ею, словно он погрузился в нежный рыжевато-серый мех. Он расслабился от счастья, но другой мир не отступал. Какието люди склонились над местом, где он лежал. Он открыл глаза, оба были в белом. Ну, это понятно: он ранен, и к нему позвали доктора, а с ним пришла сестра. Да, конечно, он ранен в бою. Левая задняя лапа не двигается, и передняя правая, ведь Демпси прокусил их.

У сестры, склонившейся над ним, была на груди блестящая булавка. В ней отражался белый кот с мальчишеским лицом. Питеру стало очень страшно.

Доктор заглянул ему в глаза и произнес:

-- Ну, все позади. Теперь он поправится.

Мама заплакала снова, причитая: "Питер, Питер!.." Был здесь и отец, очень бледный, в форме. Почему-то он знал об его сражении с Демпси.

-- Молодец,-- сказал он.-- Ты хорошо сражался.

Питер поднял левую переднюю лапу и увидел, что на ней нет когтей. Больше того, он увидел пальцы. Тогда он пощупал ими другую лапу, неподвижную, и ощутил не мех, а что-то жесткое, знакомое... сейчас, сейчас... И тут он понял: это бинт.

Теперь он все знал. Он больше не кот, он мальчик. Он горько заплакал. Сквозь слезы видел он, как няня вошла в комнату, держа на руках худого беспокойного котенка, черно-белого, с пятном на мордочке. Она склонилась над кроватью и положила котенка рядом с ним.

-- Забери его! -- плакал он.-- Где Дженни? Дженни, Дженни, Дженни!..

Ничего не понимая, мать утирала ему слезы и целовала его. И снова ему показалось, что все вокруг -- это Дженни. Теперь он знал, что не увидит белых лапок с породистыми черными подушечками, маленькой серой головки, светящихся глаз и той неповторимой нежности, которой дышало в ней все. Но вместо этого с ним осталось странное ощущение добра, тепла и счастья.

Черно-белый котенок, отвергнутый им, жалобно мяукнул, и Питер понял его. Нет, он больше не понимал по-кошачьи, он просто узнал самый звук, самый крик бездомных, ненужных, нелюбимых, столь знакомый ему. Он вспомнил все места, где побывал, все свои страхи и беды. Он увидел грязные улицы, почуял запах сырости, услышал злые крики, словно жалобный писк приоткрыл на минуту уже закрывшуюся дверь, за которой шумел безжалостный город. Потом дверь закрылась, котенок мяукнул снова, и писк его пронзил Питеру сердце.

-- Няня, не забирай его! -- крикнул он.-- Дай его мне!..

Няня положила котенка на место. Он сразу пополз Питеру на грудь, сунул голову ему под подбородок, как делали потом столько котов и кошек, словно узнавая своего, и замурлыкал так громко, что задрожала вся кровать. Питер поднял ту руку, которая двигалась, и пальцами, вылезавшими из бинтов, почесал котенка за ухом, именно там, где и надо. Котенок мурлыкал вовсю, прижимаясь к нему в самозабвенном восторге.

-- Да он совсем ничего,-- сказала мама.-- Как ты его назовешь? Верней ее, это кошка.

Питер ответил не сразу. Он пытался вспомнить, он ведь знал какое-то дивное кошачье имя не хуже, чем свое собственное... Но имя не вспомнилось. Быть может, он его и не знал.

Все ужасы остались за дверью. Здесь с ним были покой и любовь. Он больше не боялся одиночества, словно какой-то долгий сон, который он уже не мог припомнить, поглотил страх и подарил ему радость.

-- Назовем ее Кляксой,-- сказал он матери.-- Можно, она поспит у меня?

И он улыбнулся всем, кто стоял у его кровати.